

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

**ИССЛЕДОВАНИЯ АКТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ
СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА
В РОССИИ И ВЕНГРИИ**

Сборник научных статей

Нижний Новгород
Издательство Нижегородского госуниверситета
2022

УДК 811.161.1(082)

ББК 81.411.2я43

И 85

Редакционная коллегия:

Т.Б. Радбиль (*отв. редактор*),

С.Г. Бусарева, Л.В. Рацибурская, Е.В. Щеникова

И 85 **Исследования активных процессов современного русского языка в России и Венгрии:** сборник статей по материалам вебинара, проведенного в online-формате учеными Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия) и Университета им. Л. Этвёша (Будапешт, Венгрия) 16 декабря 2021 г. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2022. – 88 с.

ISBN 978-5-91326-715-3

В сборнике представлены статьи по материалам вебинара, проведенного 16 декабря 2021 г. в online-формате учеными Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия) и Университета им. Л. Этвёша (Будапешт, Венгрия) в рамках совместного российско-венгерского исследовательского проекта «Активные процессы в современном русском языке и их изучение в российской и венгерской лингвистике». В статьях освещается широкий круг актуальных проблем в области инновационных тенденций в русском языке новейшего периода на разных уровнях его системной организации (фонетики, лексикологии, словообразования, морфологии, синтаксиса) и в разных дискурсивных практиках современных носителей русского языка: в дискурсе интернета и социальных сетей, в дискурсах медийном, научном, образовательном и пр. Отдельно рассмотрены вопросы функционирования русского языка в эпоху коронавируса.

Может быть полезен для магистрантов, аспирантов и преподавателей русского языка как родного и как иностранного в высшей школе в России и за рубежом, для учителей средней школы и работников культурно-просветительских организаций, а также для всех, кто интересуется проблемами развития современного русского языка.

ISBN 978-5-91326-715-3

УДК 811.161.1(082)

ББК 81.411.2я43

© Нижегородский госуниверситет
им. Н.И. Лобачевского, 2022

© Коллектив авторов, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Бусарева С.Г.</i> Особенности функционирования эмодзи на просветительских сайтах	4
<i>Варга Э.К.</i> Детерминологизация медицинских терминов на фоне пандемии	11
<i>Дора Я.Б.</i> К некоторым изменениям акцентной нормы кратких форм прилагательных	18
<i>Куликова В.А.</i> Неузואльные феминитивы в текстах современных электронных СМИ	27
<i>Палоши И.</i> Неологизмы, обозначающие лиц, в зеркале коронавирусной лексики: словообразование и оценочность	34
<i>Радбиль Т.Б.</i> Активные процессы в синтаксисе и пунктуации русского языка в интернете: когнитивно-дискурсивный аспект	42
<i>Рацибурская Л.В.</i> Основные тенденции в словообразовательных процессах современного русского языка	54
<i>Самыличева Н.А.</i> Интернет-мем как механизм создания комического в интернет-пространстве	63
<i>Щеникова Е.В.</i> Неодериваты, восходящие к существительному QR-код, в российской блогосфере (на материале платформы Яндекс.Дзен)	71
<i>Янурик С.</i> О двух семантических неологизмах английского происхождения в русском языке последних лет	80

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЭМОДЗИ НА ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИХ САЙТАХ

© С.Г. Бусарева

Выявляется специфика взаимодействия элементов естественного языка и искусственного языка в поликодовом художественном тексте. Описываются фрагменты поэтических текстов А.С. Пушкина и Б.Л. Пастернака, представленные на сайте образовательно-просветительского проекта «Arzamas». Делается вывод о возможности использования подобных текстов в практике преподавания русского языка и литературы.

Ключевые слова: искусственный язык, эмодзи, поликодовый текст, художественный текст, мнемоника.

Цифровые технологии кодирования информации «безгранично расширяют информационные возможности» [Рябцева 2016: 149] и задают новые стандарты восприятия текста. В новом информационном киберпространстве возникают тексты, свидетельствующие об увеличивающейся комплексности современной коммуникации [Шарандин 2019; Нефедов, Чернявская 2020].

Эти актуальные изменения в значительной степени оказывают влияние и на состояние естественного языка. Особое место в сфере гуманитарного знания сейчас занимают цифровые технологии, воплощая идею сохранения культурного наследия посредством использования новых методов исследования и привлечения новых пользователей. Мы наблюдаем, как область применения современных средств коммуникации расширяется и как вместе с этим увеличивается количество пользователей.

Многие лингвистические исследования начала XXI в. посвящены изучению взаимодействия устного и письменного типов коммуникации в пределах естественного языка, особенностей общения в рамках интернет-коммуникации [Гусейнов 2000; Лысенко 2009; Трофимова 2009; Нежура 2012; Матусевич 2014; Интернет-коммуникация... 2016; Китова 2016; Крылов 2017; Елина, Фризен 2018; Радбиль, Помазов 2019; Савина 2019; Полидовец 2021].

Мы также отмечаем, что с течением времени корпус текстов, в которых наблюдается взаимодействие языковых и внеязыковых единиц, увеличивается, причём данное явление не закреплено за какой-либо конкретной сферой интернет-коммуникации, будь то литературная

коммуникация, рекламная коммуникация, игровая коммуникация, межличностная коммуникация, групповая коммуникация и др. [Emoticons... 2020].

Цель настоящего исследования заключается в выявлении специфики взаимодействия элементов естественного языка (русский язык) и искусственного языка (эмодзи) в поэтических фрагментах, представленных в виде поликодового текста – вербально-визуального единства, «в котором смысловое единство выступает как результат взаимоналожения двух кодов – вербального и визуального» [Чернявская 2013: 125].

Материалом настоящего исследования послужили поэтические тексты «Март», «Зимняя ночь», «Осень» Б.Л. Пастернака, представленные на сайте просветительского онлайн-проекта «Arzamas» (<http://arzamas.academy/materials/643>), а также фрагменты поэтических текстов А.С. Пушкина, собранные в приложении «Emoji Pushkin» (приложение было доступно для скачивания в 2016–2021 гг.).

В исследовании использованы системно-функциональный метод описания лексических и синтаксических единиц поликодового текста, семиотический метод при рассмотрении языковых фактов в качестве отдельных знаков и знаковых систем и компонентный метод, необходимый для формирования семантико-синтаксической модели предложения.

Текст в литературной коммуникации является элементом эстетической деятельности и средством общения одновременно, участвуя в трансляции идеи или комплекса идей благодаря своему воздействию к потенциалу.

Как пишет В.Б. Шкловский, «приемом искусства является прием «остранения» вещей и прием затрудненной формы, увеличивающий трудность и долготу восприятия» [Шкловский 1929: 13].

По В.Б. Шкловскому, функциональная особенность литературной коммуникации заключается в деавтоматизации восприятия, устранении автоматизма восприятия с целью дать непривычное видение объектов и событий, представляющихся повседневными и привычными. Данная цель достигается за счёт использования специфических речевых средств или композиционных приёмов.

Для описания механизмов литературной коммуникации Ю.М. Лотман предложил также структуру смены деавтоматизации автоматизацией, обращаясь к работам русских формалистов. Учёный говорит о чередующихся процессах автоматизации и деавтоматизации, которые структурируют текст (деавтоматизация₁ – автоматизация₁, деавтоматизация₂ –

автоматизация₂, деавтоматизация₃ – автоматизация₃), о механизмах, значимых в структуре художественного текста: «один стремится все элементы текста подчинить системе, превратить их в автоматизированную грамматику, без которой невозможен акт коммуникации, а другой – разрушить эту автоматизацию и сделать самую структуру носителем информации» [Лотман 1970: 95].

В нашем случае особенно важен учёт специфики литературной коммуникации, так как нестандартный способ представления анализируемых текстов связан с установкой на игровую подачу анализируемого материала, что как раз предполагает деавтоматизацию восприятия художественного текста.

Отметим, что в настоящее время обучение с использованием игровых методик является популярным; создаются и постоянно обновляются различные программные продукты для организации учебного процесса. Применительно к изучению русского языка можно выделить такие проекты, как «Верные слова» (интерактивный учебник русского языка), «Глазарий языка» (сборник кратких статей о разделах русистики), «Грамотей для детей» (набор орфографических тестов), «Пишите живее!» (онлайн-курс), «Слово дня» (приложение для пополнения словарного запаса). Преподаватель может активно использовать и приложения «Kahoot», «Quiz» для оформления учебного материала в виде викторины.

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживают курсы на гуманитарном просветительском сайте «Arzamas», посвященные изучению русского языка и литературы, в частности проекты «Эмодзи-Пастернак» и «Emoji Pushkin», которые получают высокую оценку пользователей (<https://kagury.livejournal.com/594988.html>).

Изменения в структуре естественного языка с внедрением в него элементов искусственного языка порождают изменения и в когнитивных механизмах, связанных с запоминанием и хранением получаемой информации. Гуманитарный просветительский онлайн-проект «Arzamas» предлагает взгляд на эмодзи как на новый элемент мнемоники, или мнемотехники.

Термин «мнемоника/мнемотехника» (от др.-греч. μνημονικη ‘искусство запоминания’) определяется как «совокупность приемов и способов, облегчающих запоминание нужных сведений, фактов при помощи создания искусственных ассоциаций» [БТС 2000: 547]. Под мнемоникой понимают также обозначение визуализации некоего явления, объекта или субъекта, которое облегчает запоминание или опознавание этих объектов.

В тесте «Эмодзи-Пастернак» и поэтических выборках в приложении «Pushkin Emoji» использование знаков эмодзи при замене отдельных слов и их форм образует яркие визуальные ассоциации при соединении с воспринимаемой информацией.

Авторы онлайн-теста и приложения, где пользователю предлагается самостоятельно вставить вместо единицы естественного языка знак эмодзи на место пропуска, говорят, что эти приложения и тесты помогут «спасти поэзию» (<https://tjournal.ru/flood/25557-arzamas-predlozhit-spasti-poeziyu-v-mobilnom-prilozhenii-s-pomoshchyu-emoji>), запомнить наизусть стихотворения А.С. Пушкина, что это «лучший способ узнать, из чего сделано наше всё» (https://www.bbc.com/russian/society/2016/03/160329_tr_emoji_poetry_arzamas; <https://daily.afisha.ru/infoporn/4499-emoji-pushkin-vspomnit-nashve-v-kartinkah/>; <https://www.the-village.ru/city/education/233953-arzamas>).

Следует отметить, что в мнемонике в качестве ассоциата могут выступать не только фразы, но и графические элементы. Так, элементы искусственного графического языка эмодзи могут заменять конкретные слова, формы слов разных частей речи в поэтическом тексте, причём закодированное с помощью знаков эмодзи слово легко опознаётся читающим.

Важно, что использование знаков эмодзи в текстовых материалах контекстно обусловлено, ориентировано на фоновые знания пользователя, а именно на знание поэтических текстов.

Возможность представления поэтических текстов в виде подобной мнемотехники может быть обусловлена тем, что знак эмодзи может использоваться в эстетической функции: система образов поэтических текстов задаётся с помощью лексем, которые имеют визуальное соответствие в нашем сознании и которые похожим образом отражены в инвентаре графического языка эмодзи. Знак эмодзи в рамках поэтического текста может функционировать и как символ для обозначения абстрактных понятий ('сердце' (U+2764), 'череп' (U+1F480) в качестве замены слов *любовь*, *смерть*), то есть использоваться в символической функции.

Отметим, что степень абстрактности графического знака при «лексической» интерпретации снижается: представленное в виде эмодзи слово легко опознаётся читающим, так как оно занимает определённую позицию в структуре стихотворной строки.

Вместе с этим увеличивается и грамматическая абстрактность графического знака в силу его полифункциональности в зависимости от окружения: один и тот же графический знак в разных контекстах обла-

дает разными грамматическими характеристиками. Так, в представленных фрагментах эмодзи являются заменителями словесных позиций не только подлежащего (*слёзы, шаг*) и дополнения (*музыке, перстам, уху*), но и определения (*сладкие*), обстоятельства (*на земле, выше, с любовью, надменно*).

Если рассматривать синтаксическую структуру подобных поэтических фрагментов в аспекте референтной соотнесенности элементов текста [Sauerbier 1978], можно сказать о том, что в текстах наблюдается новый, субститутивный, тип синтаксиса, где знак искусственного языка эмодзи не дублирует и не уточняет содержание вербальной части высказывания, а заменяет вербальные элементы, участвуя в графической передаче фактуальной информации (знак используется в информативной функции).

Поликодовые тексты, включающие в себя вербальные и невербальные элементы, функционируют на разных уровнях и в различных моделях коммуникации. Анализ фрагментов стихотворений А.С. Пушкина и Б.Л. Пастернака, представленных в виде поликодовых текстов, показал, что знаки эмодзи в мнемоническом аспекте могут быть рассмотрены как графические фокусы высказывания, которые отсылают читающего к неназванному объекту, привлекают внимание и настраивают читателя на визуальное восприятие и запоминание поэтического текста (знак используется в аттрактивной функции).

Таким образом, можно наблюдать, как тексты, предназначенные для обучения в игровой, нестандартной форме, «мимикрируют» под повседневное общение в пространстве интернет-коммуникации: они становятся максимально приближёнными к читателю за счёт использования элементов различных семиотических систем.

В заключение отметим, что материалы подобных образовательных онлайн-проектов, несомненно, помогут преподавателю оживить урок русского языка и литературы, не только привлечь внимание слушателей к поэтическому тексту благодаря его нестандартной структуре, но и вызвать интерес к личности автора и остальным его произведениям.

Список литературы

1. БТС – Большой толковый словарь / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
2. Гусейнов Г.Ч. Заметки к антропологии русского Интернета: особенности языка и литературы сетевых людей // Новое литературное обозрение. 2000. № 33. С. 289–321.

3. Елина Е.Г., Фризен М.А. «Новая грамотность», «новая неграмотность» и речевые жанры // *Жанры речи*. 2018. № 3 (19). С. 168–171. DOI: 10.18500/2311-0740-2018-3-19-168-171.
4. Интернет-коммуникация как новая речевая формация: Колл. монография / Науч. ред. Т.Н. Колокольцева, О.В. Лутовинова. М.: ФЛИНТА, 2016. 328 с.
5. Китова Е.Б. Общение в интернет-среде и «универсальный язык» эмодзи // *Вопросы теории и практики журналистики*. 2016. Т. 5. № 4. С. 654–664.
6. Крылов Ю.В. Семантика эмодзи в виртуальном диалоге // *Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования*. 2017. № 2 (15). С. 50–52.
7. Лотман Ю.М. Структура художественного текста // *Об искусстве*. М.: Искусство, 1970. 384 с.
8. Матусевич А.А. Грамматические средства выражения эмоций в сетевом общении // *Вестник Вятского государственного университета*. 2014. № 3. С. 94–97.
9. Нежура Е.А. Новые типы креолизованных текстов в коммуникативном пространстве интернета // *Теория языка и межкультурная коммуникация*. 2012. № 2. С. 47–52.
10. Нефедов С.Т., Чернявская В.Е. Контекст в лингвистическом анализе: прагматическая и дискурсивно-аналитическая перспектива // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2020. № 63. С. 83–97.
11. Полидовец Н.И. Некоторые особенности использования графического оформления синтаксических конструкций в интернет-коммуникации // *Активные процессы в современном русском языке: национальное и интернациональное: Сб. науч. ст. / Отв. ред. Л.В. Рацибурская*. М.: ФЛИНТА, 2021. С. 622–629.
12. Радбиль Т.Б., Помазов А.И. Прецедентные феномены как средство создания аттрактивности в поликодовом тексте Интернета // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание*. 2020. № 1. Т. 19. С. 140–153.
13. Рябцева Н.К. «Контент» – «Коннект» – «Texting» в новом информационном киберпространстве // *Логический анализ языка. Информационная структура текстов разных жанров и эпох / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова*. М.: Гнозис, 2016. С. 149–160.
14. Савина Е.А. «Лайки» социальной сети «Фейсбук» как фатические контактоподдерживающие реакции // *Русский язык: исторические судьбы и современность: VI Международный конгресс исследователей русского языка / Под общ. ред. М.Л. Ремнёвой и О.В. Кукушкиной*. М.: Изд-во Московского ун-та, 2019. С. 541–542.
15. Трофимова Г.Н. Языковой вкус интернет-эпохи в России. Функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты. М.: РУДН, 2009. 436 с.
16. Чернявская В.Е. Медиальный поворот в лингвистике: поликодовые и гибридные тексты // *Вестник Иркутского государственного лингвистического университета*. 2013. № 2(23). С. 122–127.

17. Шарандин А.Л. Коммуникация как особый тип интегративной когнитивной деятельности человека // Когнитивные исследования языка. Вып. XXXVII: Интегративные процессы в когнитивной лингвистике: материалы Международного конгресса по когнитивной лингвистике. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2019. С. 116–120.

18. Шкловский В.Б. О теории прозы. М.: Федерация, 1929. 265 с.

19. Emoticons, kaomoji and emoji The Transformation of Communication in the Digital Age / Ed. by Elena Giannoulis, Lucas R.A. Wilde. New York: Routledge, 2020. 260 p.

20. Sauerbier S.D. Wörter bildlich, Bilder wörtlich. Schrift und Bild als Text. Probleme der Wort-Bild-Korrelation // Die Einheit der semiotischen Dimensionen. Hrsg. von der Arbeitsgruppe Semiotik. Tübingen, 1978. S. 27–93.

FEATURES OF EMOJI FUNCTIONING ON EDUCATIONAL WEBSITES

© *S.G. Busareva*

The article is devoted to identifying the specifics of natural and artificial languages' elements and their interaction in a polycode artistic text. Fragments of poetic texts by A.S. Pushkin and B.L. Pasternak presented on the website of the educational project «Arzamas» are described. As a result of the research, the author comes to the conclusion about the possibility of using such texts in practice of teaching Russian language and literature.

Keywords: artificial language, emoji, polycode text, artistic text, mnemonics.

ДЕТЕРМИНОЛОГИЗАЦИЯ МЕДИЦИНСКИХ ТЕРМИНОВ НА ФОНЕ ПАНДЕМИИ

© Э.К. Варга

Рассматривается процесс детерминологизации медицинских терминов, связанных с вакцинацией. Под влиянием пандемии COVID-19 резко увеличивается частотность узкоспециальных терминов в текстах СМИ. Цель работы – выявить характерные свойства процесса на основе текстового корпуса русскоязычных интернет-порталов методом статистического и контекстуального анализа. Специфика процесса детерминологизации заключается в следующем. Резко возрастает частотность терминов в языке СМИ и увеличивается число и расширяется круг словосочетаний терминов. Наблюдается сдвиг в употреблении в пользу международной терминологии в ущерб укоренившимся в русском языке «национальным» терминам. У глаголов процесс детерминологизации происходит медленнее, чем у имен существительных.

Ключевые слова: детерминологизация, медицинская терминология, COVID-19, корпусный анализ, язык СМИ.

Введение. Пандемии COVID-19 не только значительно повлияла на все сферы общества во всех странах мира, но и вызвала ощутимые изменения в словарном составе языка за чрезвычайно короткое время. В словари неологизмов включено множество слов, связанных с коронавирусной инфекцией и мероприятиями, направленными на защиту от нее. В новостях уже с самого начала вспышки пандемии увеличилось количество употреблений специальных терминов, широко активизировались медицинские, особенно иммунологические и инфектологические термины, относящиеся к распространению, симптомам, лечению и осложнениям болезни. Специальные слова, ранее использовавшиеся только в узком профессиональном кругу, как, например, *сатурация*, *ИВЛ*, *пульсоксиметр*, *штамм*, *патоген*, *суперспредер*, проникли в общеупотребительный язык через СМИ и стали привычными для всех, то есть можно говорить об активизации процесса детерминологизации в русском языке на фоне сегодняшней глобальной ситуации.

Детерминологизация – это процесс, в результате которого узкоспециальные термины выходят за пределы терминосистемы и проникают в общеупотребительный язык [Шмелева 2010; Багиян 2014], а также это результат данного процесса [Humbert-Droz et al. 2019]. Процесс проис-

ходит поэтапно [Небышинец 2019]. Сначала термины и номенклатурные знаки полностью сохраняют свое специальное значение, но выходят из узкоспециальной сферы в общенаучную, публицистическую, даже обиходную речь [Братцева 2021; Нечаева 1995]. Процесс детерминологизации связан с популяризацией науки и с помощью СМИ может значительно ускоряться. Во многих языках распространение англицизмов сначала затронуло профессиональные сферы, и оттуда англицизмы постепенно переходили в повседневное употребление [Рычкова 2013: 262].

В настоящей работе рассматривается процесс детерминологизации, происходящий и ускоряющийся вследствие пандемии коронавируса. Цель исследования – выявить некоторые специфики процесса детерминологизации посредством микродиахронного анализа текстовых корпусов русскоязычных интернетпорталов. Анализ основан на постоянно расширяющемся текстовом корпусе под названием «Timestamped JSI web corpus 2014–2020 Russian», составленном из материалов новостных порталов, доступных в приложении *Sketch Engine*, и содержавшем на момент исследования 7218536772 токена. Из текстов первой половины 2014 и 2021 гг. были разработаны подкорпусы, сравнение которых позволяет отслеживать процесс детерминологизации выбранных медицинских терминов. Методом сравнения подкорпуса 2021 (540577303 токена) с подкорпусом 2014 г. (149343617 токенов) были выделены ключевые слова. Были выявлены самые частотные из них и рассмотрены их характерные конструкции с помощью *Word sketch*. Затем каждое явление было проиллюстрировано в своих конкорданциях корпусными данными. В скобках после анализируемых слов дается число вхождений в корпус или в подкорпус. Заметим, что подкорпус 2021 г. содержит почти в три раза больше токенов, чем подкорпус 2014 г., поэтому при анализе указаны пропорции вхождений.

Учащение употребления. Так как вакцинация от коронавируса в России началась с 5 декабря 2020 г., не удивительно, что среди ключевых слов в подкорпусе 2021 г. – не считая слов *ковид* (29380) и *ковидный* (10705) и названий различных вакцин – самыми частотными оказались следующие слова медицинской сферы:

вакцина	325553	доза	78846
вакцинация	207542	вакцинировать	42372
прививка	89296	штамм	42120

прививать – привить	40225	пцр-тест	6414
прививаться – привиться	22431	тромб	6406
побочный	17458	инъекция	6358
мутация	17185	тромбоз	5454
укол	10013	противопоказание	5052
иммунизация	8591	антиген	3097
вакцинироваться	7734	вакцинирование	1119

Во главе списка стоят термины латинского происхождения: *вакцина* (325553) «препарат, вводимый в организм для предупреждения какой-либо инфекционной болезни», *вакцинация* (207542) «введение в чей-либо организм какого-либо препарата для профилактики заболеваний» и русское *прививка* (89296), являющееся консубстанциональным с термином *вакцинация* и синонимом слова *вакцина* в разговорной речи [Шмелева 2010]. Несмотря на то что *прививка* покрывает семантическое поле обоих медицинских терминов, это слово имеет намного меньше вхождений в подкорпусе 2021 г., чем *вакцина* и *вакцинация*. Однако, сравнивая с данными подкорпуса 2014 г., выявляем, что пропорции употребления слов почти одинаковые: *прививка* (1121), *вакцина* (997), *вакцинация* (794). Сравнение вышеприведенных данных свидетельствует о сдвиге в узусе синонимичных слов в сторону латинских терминов, употребляемых в медицинской сфере, и о внедрении терминов в общеупотребительный язык.

Что касается глаголов этой же семантики, они встречаются в подкорпусе почти в одинаковом количестве: *вакцинировать* (42372) и *прививать – привить* (40225). В подкорпусе 2014 г. *вакцинировать* имело всего (96) вхождений, значительно меньше по пропорции, чем *прививать – привить* (1359). По данным анализа, можем сделать вывод, что, хотя начинается выравнивание в употреблении терминов и общеупотребительных слов в языке СМИ, процессы детерминологизации глаголов происходят намного медленнее, чем в случае существительных. Заметим, что возвратный глагол *прививаться – привиться* (22431) имеет почти в три раза больше вхождений в подкорпусе 2021 г., чем *вакцинироваться* (7734), а в подкорпусе 2014 г. их пропорция 155:18, то есть мы можем наблюдать значительные различия в частотности употребления переходных и возвратных глаголов.

Среди ключевых слов фигурирует дублет *инъекция – укол*. Латинизм *инъекция* имеет два значения в медицинском языке: 1) «введение лекарств в организм с помощью иглы» (в этом значении он является более разговорным синонимом слова *укол*); 2) «лекарства, вводимые в организм при помощи иглы». Прослеживая изменения в их употреблении, делаем вывод о том, что, несмотря на возрастающую популярность научных терминов в общеупотребительном языке, *укол* (10013) не уступает термину *инъекция* (6358) даже в подкорпусе 2021 г.

Изменения в сочетаемости. Сравнивая употребление выявленных терминов в двух подкорпусах, кроме частотности можем наблюдать изменения и в их сочетаемости: прослеживаются не только изменения на уровне семантики, но и количественное обогащение новыми типами конструкций.

В случае со словом *вакцина* в подкорпусе 2014 г. конструкции с предлогами *от* и *против* выступают в названиях конкретных заболеваний человека или животных, таких как *оспа, менингит, энцефалит, гепатит, туберкулез, грипп, бешенство, боррелиоз, ящур, ветрянка, полиомиелит*, и в конструкциях с прилагательными *коклюшный, антирабический, пневмококковый, гриппозный*. В сочетаниях с глаголами и существительными акцент делается на *испытание, разработку, изготовление, производство* вакцины. В подкорпусе 2021 г. кроме *коронавируса, гриппа и полиомиелита* практически не встречаются названия других заболеваний, но с предлогом *против* находим слова *вирус, штамм, вариант, мутация*. Важными стали сочетания с существительными *доза, введение, эффективность, поставка и распределение*. Среди прилагательных появляются слова, указывающие на производителя вакцины (*российский, индийский, китайский, оксфордский*), на тип вакцины (*векторный, инактивированный, комбинированный*). Картина сочетаний с глаголами тоже изменилась: на первый план вышли глаголы *защищать, предотвращать, действовать, переноситься, храниться*, а также *зарегистрировать, одобрить, рекомендовать, сертифицировать*.

Употребление слова *прививка* тоже подверглось изменениям. В подкорпусе 2014 г. доминируют существительное *календарь* (отсылающее к планированности мер профилактики против заболеваний), а также названия детских инфекций: *утверждён национальный календарь профилактических прививок, куда внесены прививки от гепатита В, туберкулёза, дифтерии, столбняка, полиомиелита, коклюша, гемофильной инфекции, кори, краснухи, паротита, гриппа* (24.04.2014) – и болезней

домашних животных: *Помимо рогатого скота ветеринары вакцинируют кошек и собак. Прививки от бешенства им ставят бесплатно* (02.04.2014). В подкорпусе 2021 г. выступают на первый план глаголы *делать* (2483), *сделать* (12338), *получать* (1864), *получить* (1389), *ставить* (384) и *поставить* (769). Конструкции с предлогами – наряду с предлогом *от*: *активность москвичей, которые захотят сделать прививку от коронавируса* (01.01.2021) – становятся частотными и *после*: *из-за тромбоза после прививки* (12.03.2021), *перед*: *Перед прививкой никаких анализов сдавать не надо* (01.03.2021) и *без*: *В метро можно и без прививки* (05.03.2021). Среди наиболее частотных в рассматриваемый период прилагательных отметим слова *профилактический, повторный, спасительный, противопоказанный, импортный, бесплатный*.

Похожие явления прослеживаются в конструкциях со словом *вакцинация*. Если в подкорпусе 2014 г. эта лексема наиболее часто выступает с существительными *животное, собака, свинья, кабан, овца, скот*, то в подкорпусе 2021 г. преобладают ее вхождения в сочетания с такими словами, как *пункт* (7038), *темп* (5627), *этап* (2988), *процесс* (3924), *компания* (2090), *паспорт* (2934), *сертификат* (1125). Доминируют словосочетания с прилагательными *массовый, добровольный, масштабный, всеобщий, повторный и принудительный*.

Отглагольные существительные со значением действия. Стоит также обратить внимание на латинизмы, образованные от глагольных основ супина, выражающие действие, как *вакцинация*: *Массовая вакцинация этим препаратом стартовала в середине декабря* (01.01.2021), *мутация*: *Исследователи также в ходе изучения мутации вируса сделали следующие выводы* (01.01.2021), *инъекция*: *на несколько недель до инъекции рекомендуется по возможности ограничить контакты* (03.01.2021). Среди этих терминов в исследуемых подкорпусах *вакцинация* и *мутация* имеют словообразовательный дублет от глагола с формантом *-иро-ва(ть)*, *вакцинирование* и *мутирование*: ***Вакцинирование не останавливалось во время праздничных выходных*** (13.01.2021); ***вакцинация приостановит мутирование коронавируса*** (18.01.2021). В подкорпусе 2014 г. было обнаружено всего 10 вхождений, в подкорпусе 2021 г. *вакцинирование* встречается 1119 раз. Опираясь на результаты ранее проведенного исследования протоколов неотложной помощи [Varga 2018], можно заключить, что словообразовательные дублеты на *-ние* в медицинской сфере употребляются крайне редко, лишь в том случае, когда акцент делается на значение конкретного действия. По-

сколькx дублеты на *-ние* употребляются преимущественно в непрофессиональной среде, увеличение частотности дублета *вакцинирование* в подкорпусе 2021 г. предполагается считать явлением детерминологизации.

Заключение. В результате проведенного анализа можем сделать следующие выводы. Под влиянием пандемии COVID-19 резко увеличивается частотность медицинских терминов в СМИ. Одновременно возрастает число и расширяется круг словосочетаний терминов в синтагматическом и семантическом плане. Наблюдается сдвиг в употреблении в пользу международной (заимствованной, часто научно-латинской) терминологии в ущерб терминам, представленным укоренившейся в русском языке лексикой. У глаголов процесс детерминологизации происходит медленнее, нежели у существительных. Ярким свидетельством бурно происходящего на фоне глобальной ситуации пандемии процесса детерминологизации медицинских терминов является также распространение отглагольных существительных с формантом *-ние*.

Список литературы

1. Humbert-Droz, J., Picton, A., Condamines, A. How to build a corpus for a tool-based approach to determinologisation in the field of particle physics // *Research in Corpus Linguistics*. 2019. Vol. 7.
2. Timestamped JSI web corpus 2014-2020 Russian. Режим доступа: https://app.sketchengine.eu/#dashboard?corpname=preloaded%2Frus_jsi_newsfeed_virt (дата обращения 27.01.2022).
3. Varga Ę.K. Отглагольное словообразование в лексике скорой медицинской помощи // 64. Contributions to the 21st Annual Scientific Conference of the Association of Slavists (Polyslav) / E. Gutirrez Rubio, A. Grishchenko, E. Kislova, D. Kruk, T. Speed, Z. Trov (eds.). Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2018. С. 318–323.
4. Багрян А.Ю. Детерминологизация как результат размытости границ между специальной и общеупотребительной лексикой. 2014. Режим доступа: https://revolution.allbest.ru/languages/01076493_0.html (дата обращения 27.01.2022).
5. Братцева А.Л. Количественно-качественный подход к изучению детерминологизации // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2021. Т. 14. Вып. 10. С. 3150–3158.
6. Небышинец М.С. Терминологизация и детерминологизация лексики как способы обогащения английского языка. 2019. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/217687/1/88-93.pdf> (дата обращения 27.01.2022).

7. Нечаева В. Изменения в лексическом составе современного русского языка и нарушение узуса // Русский язык в переломное время: 1985–1995. München, 1996. С. 113–121.

8. Рычкова Л.В. Консубстанциональность vs межпредметная омонимия терминов в задаче лексикографирования специальной лексики в общефилологических толковых словарях // 70 годни българска академична лексикография: Доклади от Шестата национална конференция с международно участие по лексикография и лексикология, София, 24–25 октомври 2012 г. София: Академично издателство «Проф. МАРИН ДРИНОВ», 2013. С. 259–268.

9. Шмелева О.Ю. Изменение сущностных свойств термина в процессе деспециализации и детерминологизации // Вестник МГОУ. 2010. № 4. С. 47–53.

DETERMINOLOGIZATION OF MEDICAL TERMS DURING COVID-19 PANDEMIC

© *E.K. Varga*

This paper examines the process of determinologization of medical terms related to vaccination. Under the influence of the COVID-19 pandemic, the frequency of highly specialized terms has dramatically increased in media texts. The aim of this study is to identify characteristic features of the process based on the text corpus of Russian-language Internet portals by means of statistical and contextual analysis. As a result of the analysis the following characteristics can be identified: It is not only the frequency of terms that significantly increases in the media language, but also the number and the range of collocations of terms. There is a shift in usage in favour of international terminology to the disadvantage of “national” terms that are rooted in the Russian language. As for verbs, the process of determinologization is slower than for nouns.

Keywords: determinologization, medical terminology, COVID-19, corpus-based analysis, media language.

К НЕКОТОРЫМ ИЗМЕНЕНИЯМ АКЦЕНТНОЙ НОРМЫ КРАТКИХ ФОРМ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

© Я.Б. Дора

Рассматриваются акцентные варианты некоторых кратких форм прилагательных. Акцентные варианты кратких форм прилагательных сравниваются на базе орфоэпических словарей. Основной целью работы является описание тенденций акцентуации некоторых кратких форм прилагательных. Задачи исследования включают: 1) анализ фиксации ударения кратких форм прилагательных в современных орфоэпических словарях; 2) анализ анкетирования, проведенного среди носителей русского языка в разных социальных сетях. Материалом для исследования стали результаты анкетирования, которое содержит 15 вопросов, составленных после сравнительного анализа словарей. Исследование проводится на основе примеров, взятых из Национального корпуса русского языка. Проведенный анализ позволяет прийти к выводу, что некоторые краткие формы, кодифицированные словарями, с ударением на основе (например, *хра́бра*) могут вытесняться из употребления из-за тенденции переноса ударения на последний слог в кратких формах прилагательных. Помимо этого выдвигается гипотеза о том, что современная речевая практика противоречит некоторым словарям.

Ключевые слова: современные процессы, краткие формы прилагательных, сравнительный анализ словарей.

Ударение кратких форм прилагательных давно уже стало предметом изучения лингвистов [Валгина 2003; Воронцова 2000; Крысин 2008; Фомина 2017; Wellner 1987]. По данной теме издана обширная группа орфоэпических словарей и справочников, фиксирующих акцентологические нормы в русском языке [Горбачевич 2010; Каленчук 2017; Резниченко 2008; Еськова 2014]. Несмотря на обширную литературу, именно данная часть акцентологической системы современного русского языка является, на наш взгляд, самой противоречивой. Ударения кратких форм прилагательных вызывают трудности у иностранцев, изучающих русский язык, но иногда даже носители русского языка чувствуют себя некомфортно, выявляя варианты ударений. В словарях зафиксировано несколько вариантов с разным ударением и значением слов. Словари расходятся в акцентуации кратких форм: некоторые из них допускают разные акцентные варианты, а другие – не фиксируют варианты возможности данных форм.

Лингвисты отмечают, что акцентуация в кратких формах прилагательных является достаточно лабильной [Крысин 2008: 383–386; Абызов 2019: 48–49]. В учебной литературе утверждается, что «ряд широко употребляемых кратких форм прилагательных в мужском и среднем роде имеют такое же окончание, как и полная форма (на основе), а в женском роде ударение перемещается на окончание: *блiзкий* – *блiзок* – *блiзка* – *блiзко* – *блiзки*. Если ударение одинаково в краткой форме прилагательного женского и среднего рода, то такое же ударение будет иметь и множественное число: *богáтый* – *богáт* – *богáта* – *богáто* – *богáты*. «Если ударение в женском и среднем роде различно, то ударение в форме множественного числа совпадает с ударением в форме среднего рода: *знéвный* – *знéвен* – *знéвна* – *знéвно* – *знéвны*» [Дунев 2014: 119].

Для нашего анализа мы отобрали всего 4 кратких прилагательных: *горд*, *остёр/остр*, *храбр*, *мёртв*. Изучение этих форм проводилось в два этапа. На первом этапе был проведен сравнительный анализ словарных данных в [Агеенко 1984; Резниченко 2008; Горбачевич 2010; Каленчук 2017; Тихонов 2009] и в Большом академическом словаре русского языка. В ходе первого этапа мы изучали фиксацию вариативности ударения в вышеуказанных словарях. После анализа мы пришли к выводу, что варианты ударения рассматриваемых слов в большинстве словарей зафиксированы, но не каждый словарь различает их по значению. Например, только в Большом академическом словаре отмечается форма *гóрды* устаревшим в значении 'испытывать гордость' [БАС 2006: 296]. Отметим, что в Комплексном словаре А.Н. Тихонова эти варианты не различаются по значению, но в орфоэпическом словаре И.Л. Резниченко эти формы толкуются более детально [Резниченко 2008: 171].

Представим основные различия этих кратких прилагательных по значению на основе словаря И.Л. Резниченко.

1. Слово *гордый* имеет два акцентных варианта, которые различаются по значению. *Они горды́ своими успехами* – 'они испытывают гордость'. Здесь не допускается ударение на основе, только на флексии, потому что по словарю И.Л. Резниченко ударение на основе считается устаревшим [Резниченко: 171]. У этого слова есть еще одно значение – 'высокомерный, величавый'. Здесь допускается ударение и на флексии, и на основе, хотя в Большом академическом словаре отмечено, что ударение на основе (*гóрды*) считается на сегодняшний день устаревшим вариантом [БАС 2006: 296].

2. Слово *острый* имеет две разные краткие формы мужского рода: *о́стр* и *остёр*. По данным словарей, форма *о́стр* применяется по отношению к колющему/режущему предмету, а краткая форма *остёр* – по отношению к человеку в значении 'остроумный'. Наречие *о́стро* с ударением на флексии считается устаревшим вариантом [БАС 2006: 288–290]. В НКРЯ в большинстве случаев встречается форма *остёр*, и *о́стр* довольно редко.

3. Слово *мёртвый* имеет разные акцентные варианты, чтобы различать наречие от краткой формы прилагательного среднего рода. В дальнейшей части нашей статьи мы еще будем заниматься данным словом.

Некоторые словари [Агеенко 1984; Резниченко 2008; Горбачевич 2010; Каленчук 2017] расходятся по акцентуации кратких форм. Например, об ударении в формах женского рода в прилагательном *храбрый* в каждом из четырех выше указанных словарей можно найти разную информацию. В двух словарях [Горбачевич 2010; Агеенко 1984] допускается и ударение на основе слова *хра́бра*, а в остальных допускается только на флексии *храбра́* [Каленчук 2017; Резниченко 2008].

На наш взгляд, проблемы возникают и при образовании формы сравнительной степени. При формулировке правила об ударении этой формы в грамматиках ориентируются на краткую форму женского рода: ударению на окончании в женском роде краткой формы прилагательного соответствует ударение на суффиксе в форме сравнительной степени (*бедна́ – бедне́е, важна́ – важне́е, вкусна́ – вкусне́е, грустна́ – грустне́е, весела́ – веселе́е, холодна́ – холодне́е*) [Еськова 2014: 467]. Исходя из этого правила, *хра́брее* также можно считать правильным вариантом, но этого варианта в Словаре трудностей русского языка Н.А. Еськовой нет. Там зафиксирована только форма *храбрее́* [Еськова 2014: 436].

Существует еще несколько прилагательных с неодносложной основой, в которых ударение в формах сравнительной степени не падает на суффикс *-ее*. Например: *здоров́а – здоровее́е, лило́ва – лилове́е, розо́ва – розове́е*. В современной звучащей речи широко распространено неправильное ударение *красивее́е* при *краси́ва* и такие грубопросторечные варианты ударения, как *свободне́е, спокойне́е, удобне́е*, но они не являются нормативными.

Представленный выше краткий анализ словарей дает нам общее представление о вариативной системе подвижности ударения в кратких прилагательных, кодифицируемых словарями. Чтобы проверить активное употребление того или иного варианта ударения кратких форм прилагательных в современной русской речи, на втором этапе нашего ис-

следования мы провели анкетирование в социальных сетях. В нашем опросе приняло участие 355 носителей русского языка. Преобладающее большинство респондентов (87%) имеет высшее образование.

Сначала рассмотрим краткую форму женского рода *хра́бра/храбрá*. Выше нами было отмечено, что в некоторых словарях допускается вариант с ударением на основе и на флексии, поэтому мы считали важным включить эти формы в опрос.

Вопрос № 1. *...она была столь же храбра, как любой мужчина* (Александр Голяндин. Она была бородатым фараоном // Знание – сила, 2005. – НКРЯ). 93% опрошенных (327 человек) отдало предпочтение форме *храбрá*. Всего 12 человек выбрали форму *хра́бра*. 7 человек написали свои варианты: они предлагают употреблять полную форму вместо краткой.

Выше мы проанализировали значения трёх слов (*гордый, острый, мёртвый*), которые были включены и в наш опрос. Нам было любопытно, как появляется вариативность ударения в кратких формах причисленных прилагательных в современной речевой практике носителей русского языка.

Слово *гордый* имеет и позитивную, и негативную коннотацию. Для иллюстрации примера приведем два вопроса (вопросы № 2 и № 3) из нашего опроса.

Вопрос № 2. *Я отличник и мои родители очень горды моими успехами* (из устной речи). 88% респондентов (311 человек) проголосовало за вариант с ударением на флексии *горды́*. 9 человек предлагают употреблять глагол *гордиться*.

Вопрос № 3. *Наши соседи так горды! Высокомерны и самолюбивы, только о себе думают!* (из устной речи). В орфоэпическом словаре Л.И. Резниченко указано, что краткая форма *горды* в значении 'самолюбивый, надменный, высокомерный' имеет ударение на основе [Резниченко 2008: 171]. Этому противоречит Большой академический словарь, в котором написано, что такое ударение считается устаревшим [БАС 2006: 296]. 66% опрошенных (231 человек) в этом контексте предпочитает ударение на флексии *горды́*. 22% респондентов (77 человек) считают оба варианта правильными. 22 человека в комментариях добавили, что они считают данное предложение неправильным, чужим и искусственным и в этом контексте они употребляли бы полные формы (*такие гордые*) или другие обороты (например, *так заносчивы, так горделивы, такие гордецы*). Полагаем, что это объясняется тем, что в этом значении краткая форма *гóрды* сегодня употребляется редко.

В следующем предложении респонденты должны были выбрать правильный из трех вариантов: *остр*, *остёр*, оба.

Вопрос № 4. *Нож _____ и тяжел, в опытных руках безотказен*. 55% респондентов (190 человек) выбрало краткую форму *остр*, 31% (109 человек) – *остёр*, 12% (42 человека) думают, что оба варианта возможны. 8 человек считает, что в этом контексте краткие формы не употребляются и не благозвучны, поэтому вместо кратких форм они предлагают употреблять полные формы *острый* и *тяжёлый*.

Согласно Большому академическому словарю, краткая форма *остёр* применяется к человеку в значении 'остроумный' [БАС 2006: 288–290]. Данное утверждение не подтверждается оригинальным предложением, взятым НКРЯ: *Нож остер и тяжел, в опытных руках безотказен* (Владимир Маканин. Сюр в Пролетарском районе 1990. – НКРЯ), – поскольку в этом контексте прилагательное *остер* употребляется не в прямом значении. В нашем опросе 109 человек выбрали оригинальный вариант – форму *остёр*. На наш взгляд, это свидетельствует о том, что многие носители языка не различают варианты, значения которых зафиксированы словарями.

Следующие примеры из НКРЯ тоже подтверждают, что форма *остёр* часто употребляется в прямом значении, что позволяет нам сделать вывод о размытости семантики между формами *остр* и *остёр*:

– *Нож его отточен, остер, как бритва, на солнце сверкает* (Дина Рубина. Медная шкатулка (2011–2015). – НКРЯ);

– *Пилат поглядел на широкое лезвие, попробовал пальцем остер ли нож зачем-то и сказал...* (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 2 (1929–1940). – НКРЯ).

Напомним, что в ответах на вопрос № 4, в котором краткая форма прилагательного *острый* употребляется в прямом значении, большинство респондентов (55%) отдает предпочтение краткой форме мужского рода *остр*, как и советует словарь Большой академический словарь.

Вопрос № 5. *Ну, _____ мальчик!* Как и в предыдущем случае, респондентам предлагались варианты: *остр*, *остёр*, оба. Оригинальное предложение взято из НКРЯ: *И это, несмотря на наш разговор с ним. Ну, остер мальчик! — А вы читайте дальше, — усмехнулся Хрипушин, — конец!* (Ю.О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 2 (1978). – НКРЯ). Подавляющее большинство (84%, 291 человек) однозначно выбрало форму *остёр*. Всего 10 человек думают, что оба варианта возможны, остальные опрошенные не употребили бы краткую форму из-за неблагозвучности. По ответам респондентов отметим, что данный от-

рывок *Ну, остер мальчик!* нуждается в дополнении для выражения остроумия, например, *остер на язык*. Разумеется, такая фраза с дополнением также была включена в опрос.

Вопрос № 6. *Он порой был очень _____ на язык* (см. оригинальный контекст: *Он порой был очень остер на язык* (Валентин Бережков. Рядом со Сталиным (1971–1998). – НКРЯ)).

В вопросах № 5 и № 6 было пропущено прилагательное с аналогичным значением, но и оригинальные предложения указывают на то, что на практике оба варианта (*остр* и *остёр*) могут употребляться. В связи с вопросом № 6 большинство респондентов (67%, 235 человек) отметили, что они предпочитают форму *остёр*, так же как и в предыдущем вопросе № 5. Почти 25% (87 человек) предлагают употреблять форму *остр*. 6% (21 человек) выбирают оба варианта, а 8 человек предпочли бы полную форму *острый*. На основе данных нашего анкетирования можно констатировать, что в вышеприведенных контекстах самой употребительной формой является *остёр*.

Теперь перейдем к анализу разных форм прилагательного *мёртвый*. В словаре С.А. Кузнецова прилагательное *мёртвый* имеет подвижное ударение. Соответственно месту ударения отличается наречие от краткой формы прилагательного среднего рода. Например, в предложении *Всё мертво кругом* в слове *мертво* ударение на флексии, оно является краткой формой прилагательного и выполняет функцию сказуемого. Вариант *мёртво* имеет значение 'прочно', например: *топор в дереве сидел мёртво*. В таком значении ударение на основе и слово относится к наречиям (примеры взяты из: [Кузнецов 1998: 248]). В Большом академическом словаре отмечается еще один пример с ударением на флексии: *Он мертво пьян*. На наш взгляд, последний пример является устаревшим вариантом, потому что в Национальном корпусе русского языка такое словосочетание встретилось всего лишь несколько раз:

– *Правда, он всегда мертво пьян, бедный венгерец* (А.В. Амфитеатов. Марья Лусьева за границей (1911). – НКРЯ);

– *Бопре в смятении хотел было привстать, и не мог: несчастный француз был мертво пьян* (А.С. Пушкин. Капитанская дочка (1836). – НКРЯ).

Данные нашего анкетирования доказали, что в современном русском языке такое словосочетание кажется непривычным для русского человека. Всего 20% (71 человек) считает, что данный вариант с ударением на флексии является правильным в предложенном контексте (*Он мертво пьян*). 34% опрошенных (112 человек) ставили бы ударение на

первый слог, который объясняется тем, на наш взгляд, что обычно в формах среднего рода нормативным остается наосновное ударение [Крысин 2008: 384]. Большинство людей в предложенном нами контексте не приняли наречий *мертво́* и *ме́ртво*, а отметили, что в современной русской речи употребляется наречие *мертве́цки*, которое лучше сочетается со словом *пьян*.

В наш опрос мы включили наречие *ме́ртво* в переносном смысле 'прочно', чтобы проверить, на какой слог респонденты ставят ударение. Несмотря на то что большинство респондентов 75% (261 человек) выбрало наречие *ме́ртво*, выражение *Топор в дереве сидел ме́ртво* вызвало у некоторых респондентов крайнее удивление. 15% (54 человека) считают единственным правильным вариантом в этом контексте наречие *на́мертво*. Отметим, что в комментариях респондентов данное наречие встречается с ударением как на основе, так и на флексии.

Подводя итоги, мы пришли к выводу, что словари часто противоречат речевой практике и некоторые исключения в кратких формах с наосновным ударением (например, *хра́бра*) вытесняются из употребления. Данную идею подтвердили результаты нашего опроса, в котором выяснялось, что респонденты предпочитают ставить ударение на флексию: *храбра́*. О тенденции переноса ударения на флексию в кратких формах прилагательных в своей работе К.С. Горбачевич тоже написал, что она является достаточно распространенной и скоро станет нормой [Горбачевич 1990: 189]. В связи с этим в заключение процитируем слова Л.П. Крысина: «изменения в акцентуации связаны с действием определенных закономерностей – отказом от исключений, противопоставлением форм единственного числа формам множественного числа. Некоторые из этих тенденций уже кодифицированы, но большинство из них наблюдается пока только на речевом уровне» [Крысин 2008: 386].

Список литературы

1. Абызов А.А., Здорикова Ю.Н. Вариативность словесного ударения в глаголах прошедшего времени, кратких причастиях и кратких прилагательных // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия Филология, педагогика, психология. 2019. № 3. С. 39–54.
2. Агеенко Ф.Л., Зарва М.В. Словарь ударений для работников радио и телевидения: справочное издание. М.: Русский язык, 1984. 808 с.
3. Большой академический словарь русского языка [более 150000 слов русского языка его классического (XIX в.) и нового (XX–XXI вв.) периодов] /

Гл. ред. 1–9 т. К.С. Горбачевич; науч. координатор 10–12 т. и гл. ред. 13–23 т. А.С. Герд. М.; СПб.: Наука, 2004. – ...

4. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке: учеб. пособие для студентов вузов. М.: Логос, 2003. 304 с.

5. Воронцова В.Л. Активные процессы в области ударения // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М.: Языки русской культуры, 2000. С. 303–325.

6. Горбачевич К.С. Русский язык: прошлое, настоящее, будущее. Иностранцам о русском языке. Книга для чтения с комментарием. М.: Русский язык, 1990. 278 с.

7. Горбачевич К.С. Современный орфоэпический словарь русского языка. Все трудности произношения и ударения. М.: АСТ, 2010. 480 с.

8. Дунев А.И. Дымарский М.Я. и др. Русский язык и культура речи: учебник и практикум для академического бакалавриата / Под ред. В.Д. Черняк. 2-е изд. М.: Юрайт, 2014. 525 с.

9. Еськова Н.А. Словарь трудностей русского языка. Ударение. Грамматические формы. М.: Языки славянской культуры, 2014. 536 с.

10. Каленчук М.Л., Касаткин Л.Л., Касаткина Р.Ф. Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты. 2-е изд. М.: Аст-Пресс Книга, 2017. 1024 с.

11. Крысин Л.П. Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков. М.: Языки славянских культур, 2008. 712 с.

12. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. 1-е изд. СПб.: Норинт, 1998. 1534 с.

13. Резниченко И.Л. Орфоэпический словарь русского языка: Произношение. Ударение. М.: Астрель, 2003. 1182 с.

14. Тихонов А.Н. и др. Комплексный словарь русского языка / Под ред. А.Н. Тихонова. 4-е изд. М.: Рус. яз.-Медиа: Дрофа, 1228 с.

15. Фомина Т.Г. Русское словесное ударение: Учеб. пособие. М.: Флинта, 2017. 384 с.

16. Lehfeltdt W. Некоторые наблюдения над изменениями акцентной нормы современного русского языка // *Revue des études slaves*. 1987. Tome 59. Fascicule 3 [Электронный ресурс]. Режим доступа: (https://www.persee.fr/doc/slave_0080-2557_1987_num_59_3_5678) (дата обращения: 27.01.2022).

ON SOME ALTERATIONS OF ACCENT NORM IN SHORT ADJECTIVES

© *Ya.B. Dora*

In the article we will study a few examples of the short adjectives, some of which have different emphasis. In many cases, variants with different emphasis have different meanings. The purpose of the present research is to describe how the emphasis of certain short adjectives have changed over the last few years. In order to achieve this

goal, it is necessary to study the dictionaries first, and then we will evaluate the questionnaires we have made, and which had been shared with native Russian speakers over the course of 2 weeks. The questionnaire contains 15 questions selected from the national corpus of the Russian language using the dictionaries listed below. The study suggests that accented short adjectives codified by some dictionaries, such as *xpaбpa* may be excluded from language use due to a tendency to shift accents to the last syllable.

Keywords: modern linguistic processes in the Russian language, short forms of Russian adjectives, adverbs.

НЕУЗУАЛЬНЫЕ ФЕМИНИТИВЫ В ТЕКСТАХ СОВРЕМЕННЫХ ЭЛЕКТРОННЫХ СМИ¹

© *В.А. Куликова*

Активный процесс возникновения неузואльных феминитивов и их распространения в текстах современных электронных СМИ изучается в прагматическом аспекте. Для изучения неузואльных феминитивов отобраны новейшие номинации лиц женского пола по профессии или роду деятельности, не зафиксированные в лексикографических источниках, однако активно функционирующие в интернет-речи. Материалом исследования послужил самостоятельно собранный корпус контекстов употребления неузואльных феминитивов в федеральных российских СМИ, активно участвующих в социальной полемике. Для сбора и анализа материала использованы автоматические корпусные методы в сочетании с традиционными методиками структурно-семантического и прагматического анализа. В результате определены актуальные коммуникативные функции, для реализации которых служат неузואльные феминитивы в электронных медиатекстах.

Ключевые слова: словообразование, феминитив, неузואльность, электронные СМИ.

Еще в XX в. ученые отмечали, что «ни одна СК (словообразовательная категория) не подвержена влиянию социальных факторов в такой степени, как категория личных существительных женского рода в их отношении к полу лица» [Янко-Триницкая 1966] – причем в современном мире социальный фактор не ослабевает.

Актуальность исследования феминитивов обусловлена современными социальными процессами: трансформацией традиционной системы ценностей, изменением роли женщины в обществе и профессиональной сфере, активизацией общественной деятельности феминистского сообщества и обострением борьбы за права женщин в России и мире. Про-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и РЯИК в рамках научного проекта № 20-512-23003 «Активные процессы в современном русском языке и их изучение в российской и венгерской лингвистике».

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR and FRLC, project number 20-512-23003 «Active processes in the modern Russian language and their study in Russian and Hungarian linguistics».

блемы гендерного неравенства и феминистского активизма широко обсуждаются в СМИ (как в позитивном, так и в негативном ключе), а результаты этих процессов отражаются в языке медиа, остро реагирующем на любые социальные изменения и динамично подстраивающемся под запросы аудитории.

Феминитивы – наименования лиц женского пола по профессиональной, социальной и иной принадлежности (как правило, это парные наименования соответствующим лексемам, называющим лиц мужского пола, ср. *учитель* – *учительница*). Для современного словообразования активным процессом является появление в речи новых феминитивов, на основании чего можно выделить феминитивы узуальные и неuzuальные.

Узуальные феминитивы – устоявшиеся в системе языка наименования лиц женского пола по профессиональной, социальной и иной принадлежности, зафиксированные в словарях (*учительница*, *студентка*, *секретарша*, *княгиня* и под.).

Неuzuальные феминитивы – это новейшие наименования лиц женского пола по профессиональной, социальной и иной принадлежности, не зафиксированные в лексикографических источниках [Лаппо, Малиновская 2020] (также употребляются термины «неологизмы-феминитивы» [Солтыс 2020], «феминитивы-инновации» [Пугачева 2020]).

Феминитивы в русском языке могут создаваться с помощью различных исконно-славянских и заимствованных аффиксов: *-ниц(а)*, *-ин(я)*, *-иц(а)*, *-к(а)*, *-щиц(а)*, *-j(а)*, *-их(а)*, *-ш(а)*, *-есс(а)*, *-ис(а)*. Как отмечают исследователи, из арсенала суффиксов со значением феминности *-к-* является одним из наиболее продуктивных, дериваты с этим суффиксом крайне частотны в различных типах дискурса [Золтнер, Горностаева 2019].

Для исследования отобраны неuzuальные феминитивы с суффиксом *-к-* со значением женскости, называющие лиц женского пола по профессии или роду занятий (в скобках указана частотность использования феминитива в собранном материале): *авторка* (165), *блогерка* (115), *режиссерка* (104), *редакторка* (51), *дизайнерка* (42), *докторка* (18), *директорка* (12), *организаторка* (11), *менеджерка* (7), *операторка* (7), *профессорка* (6), *лекторка* (3), *архитекторка* (3).

Источником материала послужили электронные версии федеральных российских СМИ, имеющих широкий охват аудитории и принимающих активное участие в социальной полемике: Коммерсантъ, Взгляд, Лента.ру, Сноб, Газета.ру, а также газетный подкорпус Национального корпуса русского языка.

Общий объем собранного корпуса контекстов использования неузуальных феминитивов составил 102 519 печатных знаков, количество контекстов – 357. Наиболее ранние зафиксированные контексты относятся к 2012 г., однако 97% контекстов относятся к периоду 2019–2021 гг.

Обращает на себя внимание семантика лексем, выступающих производящими для создания частотных феминитивов: это названия творческих профессий (*автор, блогер, режиссер, редактор, дизайнер*). Номинации технических профессий (*инженер*), профессий, связанных с физическим трудом (*тренер, каскадер*), названия высоких административных должностей (*министр, депутат*) редко выступают в качестве производящих для создания новых феминитивов, такие примеры имеют единичный характер. Это объясняется, вероятно, экстралингвистическими причинами: соотношением мужчин и женщин среди представителей разных профессий, консервативностью определенных профессиональных сфер.

Основной целью данного исследования является рассмотрение прагматических функций, которые реализуют неузуальные феминитивы в текстах СМИ.

Встречаются контексты, где использование феминитивов не столько связано с выражением какой-то авторской интенции, сколько продиктовано композиционными и стилистическими нуждами. Так, в некоторых контекстах феминитивы встречаются в прямой речи интервьюируемых, очевидцев описываемых событий и употребляются, чтобы сохранить точность цитирования: *По словам Анны-Марии, у отца есть «директорка, которая занимается всеми этими делами»* (Лента.ру, 08.06.2020); *Нет, я не приглашал журналистов. Блогерка исчезла. Потом вернулась* (Взгляд, 07.07.2019); *я не отправлю их блогеру/блогерке формата «пью вино, читаю книги»* (Сноб, 24.06.2019). Феминитивы также способствуют увеличению разнообразия лексических средств публицистического стиля, позволяют избежать повторов в контексте: *несогласие с позицией писательницы Джоан Роулинг (авторки серии книг о Гарри Поттере)* (Газета.ру, 07.06.2020) – в первом случае употреблен узуальный феминитив, в скобках в качестве синонимической замены употреблен феминитив неузуальный, что позволяет избежать повтора.

Неузуальные феминитивы используются в номинативной функции для обозначения женщин соответствующей профессии: *Стилистка и блогерка Алессандра Амбросио на пляже* (Лента.ру, 14.07.2019); *Брэдлы, молодой афроамериканской режиссерке, удалось практически невоз-*

можное (Лента.ру, 24.04.2021); Уилсон и Скотт играют норвежскую **дипломатку** Мону Юль и ее мужа Терье (Газета.ру, 30.05.2021). Вместе с тем неузуальные феминитивы дополнительно могут выступать как средство уточнения в контекстах, когда по иноязычному имени собственному невозможно определить пол референта: По словам **профессорки** гуманитарных наук Дори Колер (Газета.ру, 03.06.2021). Феминитивы употребляются, когда важно подчеркнуть пол человека, о котором идет речь в публикации: ...**артхауса и супергерои**ки, статусе **первой соло-режиссерки** киновселенной *Marvel*, а также любимых фильмах (Газета.ру, 08.06.2020) – подчеркивается, что это первый случай, когда именно женщина в одиночку режиссирует фильм «Marvel».

Подобные контексты оценочно нейтральны, и именно такие употребления преобладают в исследованном материале текстов СМИ.

Неузуальные феминитивы широко используются в медиатекстах применительно к сторонницам феминистского движения как маркер идентификации с определенной социальной группой: мнение в беседе с «Газетой.Ру» высказала блогерка и феминистка Залина Маршенкулова (Газета.ру, 21.01.2021); Вы когда-нибудь заходили на личные страницы **авторок-феминисток**, которые пишут, что российские мужчины – плохие, неспособные (Газета.ру, 01.07.2018). Подобные контексты нередко имеют ироническую окраску: Так **рекламищицы, активистки и прочие авторки** неожиданно переквалифицировались в знатоков «блатной культуры» и ее влияния на общество (Взгляд, 08.02.2019). Такие контексты свидетельствуют о том, что некоторыми носителями языка неузуальные феминитивы осознаются не как нейтральные речевые единицы, а как часть идеологии феминистского движения.

Неузуальные феминитивы выступают как средство самоидентификации и встречаются в прямой речи женщин-героинь публикаций: я как **продюсерша** часто работаю с мужскими командами, как **режиссерка** тоже (Лента.ру, 26.11.2018); Здравствуйте. Я блогерка. Я бы хотела получить какой-нибудь набор и рассказать о нем в сторис (Взгляд, 21.03.2019). Как отмечают исследователи, именно феминитивы с суффиксом *-к-* имеют тенденцию использоваться для сознательной языковой саморепрезентации участниц феминистского движения [Гузаерова 2019].

Проблема использования феминитивов является актуальной для современного русскоязычного сообщества, что подтверждается фактом активного обсуждения в СМИ. В обсуждении участвуют как журналисты, так и просто публичные люди. Некоторые контексты

содержат метаязыковую рефлексию по поводу употребления феминитивов, рассуждения о перспективах закрепления таких слов в языке: *Я уверен, что такие образования, как "авторка", и тому подобное просуществуют совсем не долго* (Лента.ру, 21.09.2021); *Время для фиксации в языке слов «авторка» и «блогерка», за введение которых выступают феминистки, еще не пришло* (Лента.ру, 22.04.2019); *все чаще «уважаемые издания» используют такие слова, как «авторка», «редакторка», «президентка», «докторка», «министерка» и другие* (Лента.ру, 22.01.2019).

Авторы текстов иногда подчеркивают, что употребление феминитивов является данью «языковой моде», сопровождая использование феминитивов метаязыковыми комментариями: *Автор (авторка, как теперь принято говорить), об этом перформансе вспомнившая, подвела итог* (Газета.ру, 01.12.2018); *В статье называют Марину Гаврилову капитаном. А ведь так модно нынче использовать новые феминитивы для профессий, вроде: «режиссерка», «авторка», «редакторка», «менеджерка», «тренерка». Как бы сейчас написали про Гаврилову в Facebook? Капитанка?* (Коммерсантъ, 20.07.2020).

Носители языка пытаются не только зафиксировать факты употребления тех или иных единиц, но и оценить их, выразить собственное мнение об уместности феминитивов и их необходимости в языке. Такие контексты насыщены оценочностью, причём встречается со стороны журналистов и публичных деятелей встречается как негативная (*Гримерка – это не женщина-гример. Это комната, где гримируют. Замучили своим неграмотным, звериным русским языком* // Газета.ру, 25.05.2021), так и позитивная оценка (*Использование феминитивов само по себе привлекает внимание к проблеме дискриминации женщин и «патриархальным» моделям, устаревшим еще век назад... Я сама режиссерка, композиторка, и мне очень нравится себя так называть* // Коммерсантъ, 05.03.2021).

Особенно часто оценка выражается в форме иронии, при этом имеет амбивалентный характер – авторы, с одной стороны, иронизируют над феминитивами, с другой стороны – над теми, кто не приемлет их использование, тем самым отрицая динамичность языка: *Некоторым писателям, писательницам и писателям (это еще совсем молодые авторки) не нравится, что феминитивы превращают русский язык в чешский или пародию на него. А мне кажется, что это нормально. Если наш век дрейфует в сторону равенства, давайте мы все станем чешками. Это лучше, чем ничего* (Сноб, 31.05.2019).

Следует отметить, что в качественной прессе, к которой относятся исследованные издания, журналисты стремятся рассматривать ситуацию с разных сторон, освещая и положительные, и отрицательные стороны языковых изменений: ***Фотографка, блогерша, врачиня. Издательство над языком или необходимость?** ... С одной стороны, меня как филолога многие феминитивы не могут не забавлять. С другой стороны, мне опять же как филологу ясно, что язык меняется, а пытаться этим изменениям противостоять – неблагодарное дело. В общем, очень хочется прожить хотя бы еще лет 50 и посмотреть, приживутся ли феминитивы, станет ли кофе среднего рода литературной нормой* (Сноб, 19.08.2019).

Стоит отметить, что подобные рассуждения в то же время выступают средством привлечения внимания аудитории, поскольку такая неоднозначная тема может вызывать яркую эмоциональную реакцию у читателей. Это отмечают и сами издания, утверждая, что даже сам факт употребления неузуального феминитива в заголовке рождает активное обсуждение среди аудитории: *Две недели назад «Сноб» опубликовал новость о том, что россиянка Екатерина Селенкина получила приз Венецианского кинофестиваля как лучшая **«режиссерка до 40 лет»**. В заголовке новостная **редакторка** использовала феминитив. В соцсети новость вынесли в субботу в десять вечера, и только за выходные пост набрал 1500 комментариев (сейчас их больше 1700 и появляются новые; из-за содержащейся в них ненормативной лексики мы не даем ссылку). Все они посвящены не победе соотечественницы на международном фестивале, а тому самому, ненавистному – **«режиссерка»*** (Сноб, 24.09.2021).

Таким образом, феминитивы встречаются в СМИ как в цитатах (прямой речи интервьюируемых, очевидцев тех или иных событий и т.д.), так и в авторской речи. Неузуальные феминитивы используются в номинативной функции в оценочно-нейтральных контекстах, в том числе в целях постановки смысловых акцентов, фокуса на гендерной принадлежности героинь публикации, а также для идентификации и самоидентификации (в прямой речи), маркируя лицо по принадлежности к определенной идеологической позиции; кроме того, они встречаются в оценочно-маркированных контекстах как объект метаязыковой рефлексии.

На данный момент использование неузуальных феминитивов – активный процесс, находящийся в стадии становления. Этот процесс имеет несколько локальный характер, активно протекает в речи определенных социальных групп. Однако в последние годы приобретает бóльший

масштаб, о чем свидетельствует проникновение невузальных феминитивов в СМИ, активная метаязыковая рефлексия. Как известно, СМИ существенно влияют на речь современных носителей языка и нередко выступают проводником новых языковых единиц, поэтому можно предположить, что в дальнейшем этот активный процесс будет сохранять актуальность и расширять сферу действия.

Список литературы

1. Гузасова Р.Р. *Блогер или блогерша*: русские феминитивы с формантом -*ш(а)* в современном медиaprостранстве // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2019. Т. 161. Кн. 5–6. С. 105–116. DOI: 10.26907/2541-7738.2019.5-6.105-116.
2. Золтнер О.В., Горностаева Д.С. Нейтрализация коннотаций феминитивов в современном феминистском дискурсе (на материале социальной сети «Инстаграм») // Молодёжь третьего тысячелетия: Сб. науч. ст. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2019. С. 970–975.
3. Лаппо М.А., Малиновская Н.И. Параметризация базы данных вузальных и невузальных феминитивов // Вопросы лексикографии. 2020. № 18. С. 52–72.
4. Пугачева Е.В. Феминитивы как объект метаязыковой рефлексии интернет-пользователей // Известия ВГПУ. 2020. № 5 (148). С. 97–105.
5. Солтыс В.К. Язык блогосферы рунета: гендерный аспект // Русистика. 2020. № 4. С. 454–468.
6. Янко-Триницкая Н.А. Наименование лиц женского пола существительными женского и мужского рода // Развитие словообразования современного русского языка. М.: Наука, 1966. С. 167–210.

NON-USUAL FEMINITIVES IN MODERN ONLINE MEDIA TEXTS

© *V.A. Kulikova*

The active process of the emergence of non-usual feminitives and their dissemination in modern online media texts is studied in a pragmatic aspect. The latest nominations of female persons by profession or type of activity, not recorded in lexicographic sources, but actively functioning in Internet speech, have been selected for the study of non-usual feminitives. The research material was a self-assembled corpus of contexts of the use of non-usual feminitives in the federal Russian media, actively participating in social polemics. To collect and analyze the material, automatic corpus methods were used in combination with traditional methods of structural-semantic and pragmatic analysis. As a result, the relevant communicative functions were identified, for the implementation of which non-conventional feminitives in online media texts serve.

Keywords: word formation, feminitive, non-usuality, online media.

НЕОЛОГИЗМЫ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ ЛИЦ, В ЗЕРКАЛЕ КОРОНАВИРУСНОЙ ЛЕКСИКИ: СЛОВООБРАЗОВАНИЕ И ОЦЕНОЧНОСТЬ¹

© *И. Палоши*

Рассматриваются неонимации лиц в русском языке в коронавирусную эпоху. Целью анализа является рассмотрение актуальных деривационных процессов, а также оценочного характера неонимаций. Анализу подвергаются как нейтральные номинации лиц, так и номинации с коннотативными значениями. Автор исходит из того, что данные лексемы должны отражать актуальные межличностные отношения. Результаты исследования показывают, что в коронавирусной лексике пренебрежение сторонников противоэпидемических мер ковид-диссидентами и наоборот ярко выражается в коннотации номинаций лиц, поэтому они характеризуются повышенной экспрессивностью. Среди данных лексем можно найти контаминанты, композиты, универбаты и суффиксальные дериваты.

Ключевые слова: неологизмы, номинация лиц, словообразование, коннотация, пандемийный дискурс, коронавирус.

Введение. В связи с пандемией COVID-19 языки мира, в том числе и русский язык, обогатились значительным количеством неологизмов, обозначающих новые явления, новые признаки, новые формы деятельности. Актуальные языковые изменения касаются лексико-семантической системы, а также словообразовательного потенциала русского языка. Концептуальными лексемами данной эпохи можно считать слова *ковид, коронавирус, пандемия, карантин, вакцина*.

В последнее время описанию и проблемам лексикографической фиксации актуальных лексических, семантических и словообразовательных тенденций в эпоху коронавирусной пандемии посвящалось множество лингвистических работ, среди которых для нас самыми релевантными

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и РЯИК в рамках научного проекта № 20-512-23003 «Активные процессы в современном русском языке и их изучение в российской и венгерской лингвистике».

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR and FRLC, project number 20-512-23003 «Active processes in the modern Russian language and their study in Russian and Hungarian linguistics».

считаются статьи [Зеленин–Буцева 2021: 162–213; Маринова 2021: 322–337; Минеева 2020: 388–405; Митурска-Бояновска 2020: 178–187; Митурска-Бояновска 2021: 406–418; Рацибурская 2021: 355–377; Ридецкая 2021: 378–387; Янурик 2021: 470–494], а также словарь [Словарь русского языка коронавирусной эпохи 2021].

Заслуживает внимания работа Н.А. Ярошенко, в которой сложные неониминации лиц изучаются с ономаσιологической точки зрения. Согласно мнению автора, ономаσιологическими базисами неониминаций лиц в пандемийную эпоху могут выступить «1) агент/субъект действия, т.е. «производитель действия»; 2) статус субъекта, т.е. положение субъекта в системе межличностных отношений, определяющее его права, обязанности и привилегии; 3) соматизм, где ономаσιологический базис называет часть тела человека; 4) состояние, где ономаσιологический базис указывает на положение, являющееся результатом действия либо отношения к какому-то объекту» [Ярошенко 2020: 80]. Самым общим исследованием в данной области можно считать работу А.В. Зеленина и Т.Н. Буцовой, которая проводилась с учетом лексических, лексикографических, деривационных и орфографических факторов [Зеленин, Буцева 2021: 162–213].

Помимо стилистически нейтральных или разговорных номинаций больных коронавирусной инфекцией, носителей коронавируса и лиц, находящихся в режиме самоизоляции, в русском языке появилось большое количество лексем, обозначающих лиц по их отношению к противоэпидемическим мерам. В рамках нашего исследования мы исходим из того, что данные неониминации лиц должны не только называть новые типы и признаки людей, но и отражать межличностные отношения и мнение говорящих о других членах социума. Денотатом рассматриваемых неолексем является индивид, член общества, который может находиться на разных стадиях заболевания коронавирусом, принимать противоэпидемические меры или отказываться от их выполнения. Для нас больший интерес представляют номинации лиц, в семантической структуре которых появляется коннотативное значение.

Цель настоящего исследования заключается в том, чтобы рассмотреть деривационные модели возникновения лексем описанной выше тематической группы и определить, как оценка других индивидов отражается в семантике новых агентивов. В рамках данной статьи мы не будем рассматривать атрибутивные словосочетания (*коронавирусный пациент*), тематические группы профессиональных наименований лиц (*ковидолог, ковид-менеджер*) и правовых нарушителей (*ковид-мошенник*).

Материалом статьи стали неологизмы из Словаря русского языка коронавирусной эпохи, а также с разных сайтов Интернета.

В дальнейшем попытаемся представить неонминации, группируя их по семантике, и показать их словообразовательные особенности.

Стилистически нейтральные или разговорные наименования лиц.

1.1. 'Больной коронавирусной инфекцией':

– дериваты с суффиксом *-ец*: *ковидец, ковидовец, коронавирусец, пандемиец*;

– дериваты с суффиксом *-ист*: *ковидист*;

– дериваты с суффиксом *-ник*: *ковидник, коронавирусник, коронник*;

– дериваты с суффиксом *-щик*: *коронищик, пандемийщик*;

– дериваты с суффиксом *-чик*: *ковидчик, постковидчик* 'вылечившийся больной коронавирусной инфекцией';

– композиты без интерфикса: *ковид-беременная, ковид-больной, корона-больной, корона-пациент*.

1.2. 'Носитель коронавируса', 'возможный носитель коронавируса':

– дериваты с конфиксом *бес-...-ник*: *бессимптомник*;

– дериваты с конфиксом *бес-...-щик*: *бессимптомищик*;

– композиты с интерфиксом или без интерфикса + суффикс *-ец*: *коронаносец, вирусоносец*;

– дериват с префиксом *сверх-* и суффиксом *-тель*: *сверхраспространитель*¹;

– дериваты с префиксом *супер-* и суффиксом *-тель*: *суперзаражатель*², *суперразбрасыватель, суперраспространитель*³;

– дериваты с префиксом *супер-* и суффиксом *-чик*: *суперразносчик*;

– композиты с суффиксом *-тель*: *вирусоноситель, коронаноситель*;

– дериваты с суффиксом *-чик*: *ковидопереносчик*;

– композиты без интерфикса: *ковид-пассажир, ковид-посетитель*;

– заимствование из английского языка: *суперспредер*.

1.3. 'Лицо, находящееся на самоизоляции':

– дериваты с суффиксом *-ант/-янт*: *изолянт*;

¹ Наименование *сверхраспространитель* является калькой английского слова *superspreader* [Зеленин-Буцева 2021: 197].

² Неологизм *суперзаражатель* является гибридной калькой английского слова *superinfector* [Зеленин-Буцева 2021: 196].

³ Неологизму *суперраспространитель* можно считать гибридной калькой английского слова *superspreader*.

- дериваты с суффиксом *-ист*: *самоизоляциялист*;
- дериваты с суффиксом *-ец*: *карантинец*;
- дериваты с суффиксом *-ник*: *самоизоляциячник*;
- дериваты с суффиксом *-ор*: *самоизоляциятор*;
- дериваты с суффиксом *-щик*: *карантинщик, самоизоляциящик*;
- заимствования из английского языка: *каратинейджер*.

Наименования лиц по их отношению к существованию корона-вирусной эпидемии.

2.1. 'Лицо, отрицающее существование коронавирусной инфекции или ее опасности' без оттенка пренебрежения:

- дериваты с префиксом *анти-* и суффиксом *-ник*: *антиковидник, антикоронавирусник*;
- композиты без интерфикса: *ковид-нарушитель*;
- композиты с интерфиксом: *карантинонарушитель*;
- композиты с элементом, обозначающим сомнение в чем-л. или отрицание чего-л., с интерфиксом: *вирусоскептик, ковидоскептик, ковидоотрицатель*;
- композиты с элементом, обозначающим сомнение в чем-л. или отрицание чего-л., без интерфикса: *ковид-отрицатель, коронаотрицатель, коронаотрицальщик, ковид-скептик, ковид-эретик, коронаатеист, коронациник, коронавирус-скептик*;
- контаминанты: *коронагностик*;
- заимствование из английского языка: *антиваксер*.

1.2. 'Лицо, испытывающее боязнь заражения коронавирусом и сесущее панику':

- дериваты с суффиксоидами *-бес*, *-ман*, *-фоб*: *вирусобес, ковидобес, коронаман, вирусифоб, коронафоб*;
- композиты с элементом, обозначающим разные степени боязни коронавирусной инфекции: *ковид-истерик, ковидофреник, коронаалармист, коронабес, коронадемон, коронапаникер* и т.д.;
- заимствования из английского языка: *ковидоид*.

Наименования лиц по их отношению к противоэпидемическим мерам.

3.1. Нейтральные или разговорные наименования сторонников противоэпидемических мер:

- дериваты с конфиксом *за-...-ник*: *замасочник*;
- дериваты с суффиксом *-ник*: *масочник, масочник-перчаточник*;

- дериваты с суффиксом *-щик*: *вакцинщик*;
- композиты с элементом, обозначающим положительное отношение к чему-л.: *ковидоадепт, коронафил, маскофил, карантинфил, вакцинофил*;

- заимствования из английского языка: *маскер, проваксер*.

1.3. Нейтральные или разговорные наименования противников противозидемических мер:

- дериваты с префиксом *анти-* и с суффиксами *-ник, -щик, -ист*: *антивакцинник, антивакцицик, антимасочник, антикарантинист, антиперчаточник, антипрививочник*;

- дериваты с префиксом *против-* и с суффиксом *-ник*: *противомасочник*;

- дериваты с элементом, обозначающим отрицательное отношение к противозидемическим мерам: *ковид-диссидент, вакцинодиссидент, вакциноскептик, карантинскептик*;

- заимствования из английского языка: *антиваксер, антимаскер*.

Экспрессивные наименования сторонников противозидемических мер ковид-диссидентами.

В семантической структуре следующих дериватов наблюдается коннотативная сема пренебрежения. Они различаются по интенсивности критического отношения ковид-диссидентов к лицам, соблюдающим противозидемические меры. Большинство этих неологизмов выражает осуждение или высмеивание послушного поведения данных лиц: *барановирусник, карантинобес, карантинопоклонник, ковидолоб, коронаверующий, коронаэнтузиаст, масколюб, намордочник, домосиделец, сидидомец* и т.д.; другие номинации указывают на предполагаемую психическую болезнь: *ковидиот, ковидофреник, карантиноголик, коронаман, карантин-кретин*. Некоторые слова являются крайне оскорбительными: *ковидаст*.

В рассматриваемой группе единиц можно выделить следующие деривационные модели:

- дериваты с суффиксоидами *-бес, -ман*: *вирусобес, карантинобес, ковидобес, коронабес, коронаман*;

- дериваты с суффиксом *-оид*: *карантиноид*;

- композиты с интерфиксом + суффикс *-ник*: *барановирусник*;

- композиты с интерфиксом или без интерфикса, с элементом, обозначающим приверженность чему-л.: *карантинопоклонник, коронаверующий, ковид-лоялист, короналоялист, коронаэнтузиаст*;

– композиты с элементом, обозначающим пренебрежение, без интерфикса: *карантин-кретин, ковид-истерик, ковид-идиот, ковид-патриот, ковид-перестраховщик*;

– контаминанты: *ковидаст, ковидиот*¹, *COVID-иот, ковидофреник*;

– универбаты: *сидидомец, домасиделец, домосиделец, намордочник*;

– усеченные формы: *ковидолюб, масколюб*;

– заимствования из английского языка: *коронаидиот, суперваксер*.

Экспрессивные наименования ковид-отрицателей и противников противоэпидемических мер сторонниками их соблюдения. Данные неолексемы выражают обвинение лиц в безответственном поведении в эпидемических обстоятельствах. Некоторые агентивы обозначают лиц, отрицающих существование коронавируса: *ковид-нигилист, коронанигилист, антикорона-безумец*; некоторые – лиц, носящих медицинскую маску не по эпидемическим правилам: *голомордый, голоносик, подбородочник, подносник*; другие – лиц, не соблюдающих режим самоизоляции: *погулянец, наруженосец*. С деривационной точки зрения среди данных неономинаций можно найти:

– дериваты с суффиксом *-ец*: *погулянец*;

– дериваты с суффиксоидом *-фоб*: *карантинофоб, вакцинофоб, маскофоб*;

– композиты без интерфикса: *ковид-нигилист, ковид-фаталист, коронанигилист, коронапофигист, антикорона-безумец, самоизоляции-нист-параноик*;

– контаминанты: *ковигист, наруженосец*;

– универбаты: *голоносик, подбородочник, подносник*.

Итоги. Анализ неономинаций лиц в коронавирусную эпоху представляет большой интерес не только потому, что данные неолексемы выделяют место индивида в языковой картине мира носителей русского языка, но и потому, что они дают своеобразную языковую проекцию на общественные разногласия относительно актуальной внеязыковой действительности. По нашим наблюдениям, эти расхождения в мнениях отражаются в активизации суффиксоидов и создании композитов с элементами со значением 'за' и 'против'. Значение 'за' передается формантами *-голик, за-, -люб, -ман, про-, -фил*, а значение 'против' – форманта-

¹ Допускаем возможность, что лексема *ковидиот* является заимствованием из английского слова *covidiot*.

ми и деривационными компонентами *анти-, -атеист, -бес, -диссидент, -ман, -скептик, -фоб*.

Как показывают наши примеры, номинация лиц в рамках коронавирусной лексики основывается на антагонизмах: принятие – отказ, вера – безверие, доверие – недоверие. Некоторые неологемы выражают гиперболическое усиление послушного принятия или полного отказа выполнения обязательных мер.

В изучаемой нами тематической группе оценочность номинаций лиц чаще всего проявляется в пренебрежении мировоззрением другого индивида. В ряде случаев коннотативное значение выдвигается в центр семантической структуры слова, поскольку оценка поведения индивида является приоритетной по отношению к его нейтральному наименованию. Следовательно, можно установить, что в семантике значительной части неологизмов, обозначающих лиц, оценочная функция доминирует над назывной функцией.

Список литературы

1. Зеленин А.В., Буцева Т.Н. Наименование лиц в период коронавирусной пандемии. // Русский язык коронавирусной эпохи / Отв. ред. М.Н. Приемышева. СПб.: Институт лингвистических исследований, 2021. С. 162–213.
2. Маринова Е.В. «Ковид»-лексика как микросистема и особенности ее состава (семантико-структурный аспект процесса номинации) // Русский язык коронавирусной эпохи / Отв. ред. М.Н. Приемышева. СПб.: Институт лингвистических исследований, 2021. С. 322–337.
3. Минеева З.И. Неологизмы эпохи пандемии, образованные сложением // Русский язык коронавирусной эпохи / Отв. ред. М.Н. Приемышева. СПб.: Институт лингвистических исследований, 2021. С. 388–405.
4. Митурска-Бояновска Й. Словообразовательная контаминация в эпоху коронавируса (на материале разговорной речи и газетных заголовков) // Новые слова и словари новых слов / Ред. Н.В. Козловская. СПб.: ИЛИ РАН, 2020. С. 178–187.
5. Митурска-Бояновска Й. «Пандемийные» контаминанты // Русский язык коронавирусной эпохи / Отв. ред. М.Н. Приемышева. СПб.: Институт лингвистических исследований, 2021. С. 406–418.
6. Рацибурская Л.В. Некоторые словообразовательные гнезда с «коронавирусной» лексикой // Русский язык коронавирусной эпохи / Отв. ред. М.Н. Приемышева. СПб.: Институт лингвистических исследований, 2021. С. 355–377.
7. Ридецкая Ю.С. Суффиксоиды пандемийного времени: семантика, переходные морфемные явления // Русский язык коронавирусной эпохи / Отв. ред. М.Н. Приемышева. СПб.: Институт лингвистических исследований, 2021. С. 378–387.

8. Словарь русского языка коронавирусной эпохи / Отв. ред. Е.С. Громенко, А.С. Павлова, М.Н. Приемышева. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2021. 550 с.

9. Янурик С. Новые английские заимствования в русском языке коронавирусной эпохи: контаминанты и композиты // Русский язык коронавирусной эпохи / Отв. ред. М.Н. Приемышева. СПб.: Институт лингвистических исследований, 2021. С. 470–494.

10. Ярошенко Н.А. Пандемия COVID-19 в зеркале языка: ономаσιологические типы сложных неониминаций лица // Наука и мир в языковом пространстве: Сб. науч. трудов VI Междунар. науч. конф. (10 ноября 2020 г.). Макеевка, 2020. С. 78–82 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://donnasa.org> (дата обращения: 22.11.2021).

NEOAGENTIVES OF CORONAVIRUS VOCABULARY: WORD-FORMATION AND CONNOTATIONS

© *I. Paloshi*

The article examines the neologisms referring to persons in Russian language in the coronavirus era. The purpose of the analysis is to examine the derivation processes that result in these lexemes, as well as their connotative meaning. Both neutral nominations of persons and nominations with connotative meanings are analysed. The author proceeds from the fact that these lexemes should reflect current interpersonal relations. The results of the study show that in the coronavirus vocabulary, the contempt of supporters of anti-epidemic measures by their opponents and vice versa is clearly expressed in the connotation of person nominations. Among these lexemes one can find contaminates, composites, univerbates and suffix derivatives.

Keywords: neologism, nomina agentis, word-formation, connotation, pandemic discourse, coronavirus.

АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СИНТАКСИСЕ И ПУНКТУАЦИИ РУССКОГО ЯЗЫКА В ИНТЕРНЕТЕ: КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЙ АСПЕКТ¹

© *Т.Б. Радбиль*

Рассматриваются способы разворачивания и синтаксической организации дискурса русскоязычного сегмента интернета как синкретичного феномена, органично совмещающего в себе принципы актуализации устных и письменных форм коммуникации. Материалом исследования являются текстовые данные, извлеченные из Национального корпуса русского языка и полученные методом сплошной выборки по результатам собственного интернет-мониторинга автора. Показано, что синтаксис речи интернета не сводится к процессу гибридизации традиционно существующих устной и письменной форм существования языка. В узусе информационной среды неформального интернета вырабатываются свои нормы, которые органичны для предлагаемых в этой среде условий коммуникации. Анализируется специфическая роль синтаксических моделей парцелляции, сегментации, приема нанизывания, графических сокращений, других паравербальных средств в неформальной интернет-коммуникации. Особое внимание уделяется также своеобразию пунктуационного оформления речи в интернете, возникновению новых пунктуационных норм.

Ключевые слова: дискурс интернета, активные процессы, синтаксис русской речи, пунктуация, когнитивно-дискурсивный анализ.

Речь в настоящей работе пойдет не столько о синтаксисе в традиционном понимании, которое все-таки в значительной степени опирается на принципы организации письменной речи, сколько о способах разворачивания дискурса в условиях новых коммуникативных потребностей, а именно в условиях неформальной интернет-коммуникации. Условно говоря, мы попытаемся рассмотреть, как ведет себя в интернете, обретая

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и РЯИК в рамках научного проекта № 20-512-23003 «Активные процессы в современном русском языке и их изучение в российской и венгерской лингвистике».

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR and FRLC, project number 20-512-23003 «Active processes in the modern Russian language and their study in Russian and Hungarian linguistics».

разные структурно-синтаксические формы, информационный поток, понимаемый в духе Уоллеса Чейфа [Chafe 1994].

Итак, каковы они, эти специфические способы разворачивания интернет-дискурса? Все особенности лексики и грамматики, контента и стиля в неформальной интернет-коммуникации выступают как производные от особенностей его прагматической, т.е., по сути, когнитивно-дискурсивной организации, включающей такие элементы, как «излагаемые события, их участники, перформативная информация и "несобытия", т.е. а) обстоятельства, сопровождающие события; б) фон, поясняющий события; в) оценка участников событий; г) информация, соотносящая дискурс с событиями» [Демьянков 1982: 7] (приводится по: [Степанов 2001: 38]). Это понимание вполне коррелирует с уже устоявшейся интерпретацией дискурса в трудах Т. ван Дейка, который трактует дискурс через центральное понятие «коммуникативное событие»: «дискурс, в широком смысле слова, является сложным единством языковой формы, значения и действия, которое могло бы быть наилучшим образом охарактеризовано с помощью понятия коммуникативного события или коммуникативного акта» [Дейк 1989: 121–122].

Мы исходим из точки зрения, согласно которой специфику синтаксической организации неформальной интернет-коммуникации нельзя трактовать исходя из внешних по отношению к ней параметров, но следует судить ее по ее собственным же законам, исходя из ингерентных условий ее протекания.

Так, например, с позиций развиваемой нами теории языковой аномальности [Радбиль 2007], все рассматриваемые нами в работе явления мы могли бы трактовать как синтаксические аномалии, но это будет справедливо лишь по отношению к внешней точке отсчета – нормам и правилам письменной речи. Не логичнее было бы предположить, что в синтаксисе речи интернета, в ее, так сказать, узусе, вырабатываются свои нормы, которые органичны для предлагаемых в этой среде условий коммуникации?

Вроде же limited edition было, или я опять ошибаюсь? Короче, киньте в меня ссылочкой на них, пжлст! (НКРЯ – Красота, здоровье, отдых: Косметика и парфюм (форум), 2004).

Иными словами, все то, что режет нам, просвещенным лингвистам, глаз на дисплее компьютера, когда мы встречаемся с образцами неформальной интернет-коммуникации (отсутствие запятых, прописных букв, обрыв фразы, рассогласования, причудливые и непривычные знаки препинания и пр.), является не следствием недостаточной языковой компе-

тенции коммуникантов, их неуважения к нормам, небрежности и спешки, но рефлексам их приспособления к специфическим обстоятельствам речевого взаимодействия через специфический канал связи и в ограниченные временные рамки:

ой, вы дважды ошиблись. :) первый раз, когда решили, что «МУЖЧИНАМ ПРАВИТЬСЯ», а второй, что «НЕ ПРАВИТЬСЯ»... все индивидуально :) и (имхо) при первых близких отношениях лучше присмотреться, тогда вы сами поймете, что кому НРА или НЕНРА. :) (НКРЯ – Женщина + мужчина: Секс (форум), 2004).

Например, в неформальной интернет-коммуникации мы часто встретим фрагменты, которые смело можно определить по рангу «поток сознания» как прием модернистского художественного дискурса (здесь мы вообще видим только один знак препинания – слэш, как в транскрипции синтагм в устной речи):

ни разу за всю жизнь я не повысил голоса на маму только я обязан маме и папе в этой жизни и больше никому ни жене ни детям / если мужик говорит что он обязан жене и детям он олень а не мужик (Интернет – URL: <https://my.mail.ru/community/girls.blog/?ref=cat>).

Не будем упрекать пользователя в недостаточной пунктуационной грамотности, тем более что в других фрагментах форума он показывает, что по крайней мере с запятыми в ладу. Возможно, здесь мы имеем дело с реализацией специфических интенций, связанных со спонтанным выражением расчлененной мысли, которая оформляется прямо в момент говорения (в нашем случае – набора на клавиатуре компьютера). Ведь и процесс мышления, и соответствующий ему акт устной речи не знает запятых и точек: там только паузы, и в данном фрагменте дискурса они как раз имеются.

Просто мысль обгоняет скорость набора на клавиатуре (в устной речи этой проблемы нет – мы говорим быстрее, чем пишем). Оперирование языком как бы приспособливается к этому, убирая все незначимое (точки, запятые, незначимые элементы слова и пр.).

Здесь, с когнитивной точки зрения, мы имеем дело с фиксацией самого процесса становления мысли, во всех его ответвлениях, спотыканиях, нерелефлируемых самоповторах и самоперебивах.

На улицу мы вышли погулять на 9-й день, но у меня всё так болело, что долго не нагуляешься:-) К врачу надо было идти через 2 недели, это был наш первый выезд в общественное место:-) А в ресторан, праздновать, мы пошли на 17-й день — у мужа был День Рождения:-) А потом понеслось... :-) Еще раз хочу отметить:-) Если бы не моя усталость,

выбрались бы с детём и раньше:-) Так что смотрите по своему состоянию:-) А приметы, ИМХО – ерунда:-) (НКРЯ – Наши дети: Малыши до года (форум), 2004).

Здесь слово встречается с жизнью напрямую, пусть и внешне – опосредованно через дисплей и клавиатуру компьютера нарратива. Но современный человек ведь уже привык, что как у пианиста пальцы лишь продолжение клавиш, так и у него – преодоление кнопок клавиатуры. Это и есть особый дискурс в степановско-демянковско-дейковском смысле. Дискурс как тип рече-мысле-жизне-действия.

Той же цели актуализации самого процесса становления мысли служат и такие явления, которые условно можно именовать «нанизывание». В мировой культуре модель нанизывания синтагм и фразем хорошо известна по древним текстам, которые лишь в современной редакции удостоились современной пунктуации с точками и другими знаками конца предложения.

Неформальная русскоязычная интернет-коммуникация буквально заполонена такими «нанизываниями»:

(1) ну и славно, что не полный:) берете снимки свои, и едите к ортопеду (ну договоритесь в ортопедическом отделении или травмотологии... хотя (имхо), в ортопедии они более разумны и аккуратны. ибо в травмпунктах врачи более задерганы:) в зависимости от снимка (состояния связок) вам наложат лангету или сделают жесткую повязку. Просто жесткий голеностоп более удобен и легок, но, как найдет – смените. Лангета снимается запросто:) Опирация вам не нужна в этом случае (НКРЯ – Красота, здоровье, отдых: Медицина и здоровье (форум), 2005).

В приведенном ниже примере 2 характерно оформление структуры нанизывания многоточиями (причем точки 4, а не три), которые как бы сигнализируют о возникновении нового фрагмента мысли.

(2) ну забивать есть каму.... тот же Рууполо вроде неплохой нападаец, просто влиться в команду он ещё не успел, а вот на следующий год уже можно будет сказать, есть от него толк или нет... так же есть Лебеденко, но он игрок сырой ИМХО у него вроде есть все задатки вырасти в неплохого форварда, но сможет и он их раскрыть, вот в чем вопрос.... а то получится как с Булыкиным, все кричали что за этим игроком будущее нашего футбола и в итоге это будущее щас некому ненужно (НКРЯ – Футбол-4 (форум), 2005).

Но иногда подобное нанизывание оформляется специфически интернетской пунктуацией – например, знаками +:

(3) *И если в школе постараться, то в универе довольно легко учиться, ибо там уже идет совершенствование приобретенных знаний + в универе контроль не такой как в школе, там ты уже учишься для себя полностью + в универе уже идут в основном профильные предметы, которые мы сами выбираем для изучения, и по идее они должны быть интересны. Так что **имхо** школа сложнее)* (НКРЯ – коллективный. Форум: Школа или универ где легче?), 2006).

Также специфично в этом плане и использование приема, применительно к синтаксису письменной речи именуемого «парцелляция» – см. пример 1.

(1) *ИМХО (только чур не ругать меня) — им просто повезло... с соперниками... арабийцы оказали ЕЩЕ слабее, чем украинцы* (НКРЯ – Гооооо!, 2006).

Здесь прием оформлен многоточиями. Но возможны и специфически интернетские варианты пунктуационного оформления парцелляции (одной или несколькими закрывающими скобками) – см. пример 2:

(2) *Парковаться? ИМХО, движение в потоке самое главное. Будущая жена, я пока с МЧ езжу учусь, у него ангельское терпение))) а планирую вообще с инструктором конечно, совершенно согласна, что езда по пустынным окраинам я самому главному не научусь* (НКРЯ – Учимся водить, 2007–2008).

В интернет-дискурсе у пацелляции совсем иные функции – это не стилистическое средство выразительности, не вишенка на торте в формате экспрессивного синтаксиса. То, что очень похоже на парцелляцию, на самом деле имеет когнитивный источник – так, порциями, квантами смысла, разворачивается мысль в дискурсе, клауза за клаузой, по У. Чейфу [Chafe 1994], так наша мысль с помощью слова последовательно сканирует реальность, подлежащую ословливанию, для объективации познанного, чтобы сообщить мысль другому. Это вынужденная парцелляция, потому что мне в один момент времени в голову больше одной идеи прийти не может – я моим разумом квантовано сканирую действительность, кусочками, порциями, покадрово:

И есть ли вообще в школах настоящие женщины? Уверен, что да, есть. И не мало. А быть настоящей женщиной да еще в школе трудно. Просто «жуть» как трудно. Выглядеть надо? Иначе быстро перейдешь в разряд «д», «т» или того хуже – «б». А когда и на что? Как им это удастся – загадка. Почще НЛЮ. А за себя постоять надо?

НАДО? Иначе затопчут и не заметят, что настоящая (НКРЯ – коллективный. Форум: Мужчина в школе (Взгляд на Мужчину в школе снаружи и изнутри), 2011).

Сходные функции в интернет-коммуникации выполняет и другой прием экспрессивного синтаксиса – **сегментация**, вынесение в препозицию рематического компонента при его рассогласовании в структуре предложения (он очень часто встречается и в обычной устной речи):

ну драконы не так страшно, а вот мистика пострашней ИМХО. мой в своё время читал Кинга. я была в шоке. но ниче, переболел, щас ваще его не воспринимает. это же может быть издержки определённого возраста. пока думаю, дёргаться не стоит, а вот в курсе быть надо (НКРЯ – Наши дети: Подростки, 2004).

Здесь также мы имеем дело не с риторическим приемом, а с когнитивной операцией акцентирования обсуждаемой темы – как установление точки отсчета для дальнейшего изложения.

Сегодня не случайно многие говорят о становлении в интернет-среде новой формы существования языка, наряду с двумя традиционно выделяемыми – устной и письменной речью, которые, как известно, противопоставлены друг другу не формально, а субстанционально и функционально. Точно так же субстанционально и функционально противопоставлен эти формам интернет-дискурс. Здесь как раз опять же очень подходит термин дискурс в демьянковско-степановско-дейковском смысле.

Только возражение насчет определения этой формы как смешанной, гибридной, устно-письменной – типа устная по сути, письменная по форме речь и пр. Мы же не считаем, например, смешанной формой художественный дискурс на том основании, что в нем соприкасаются литературные и нелитературные, книжные и разговорные, просторечные, диалектные, жаргонные элементы.

Интернет-коммуникация как раз не гибридная в том плане, что не смешивает модели устной и письменной речи, а компенсирует отсутствующие в одной форме возможности выражения посредством элементов другой формы – причем не только письменной, но и графической, анимационной, музыкальной и пр. Так сказать, «графическая» специфика интернет-коммуникации видна даже визуально, в сравнении, например, с пьесой, которая лишь имитирует разговорную коммуникацию, но, по сути, есть продукт письменной речи.

Эмоциональная температура интернет-дискурса гораздо выше. Глаз рябит от прописных букв, разрядок, подчеркиваний, многоточий, смай-

ликов. Только здесь возможно 10 подряд восклицательных знаков (или вопросительных, или одинарных скобок) – такого нет, когда читаешь обычные пьесы. Что-то подобное возможно в рекламе или в работах авангардистов. На то они и авангардисты:

не спят! только думаю, рановато вы заикнулись (ИМХО). и вообще, чем больше будете этому уделять внимание, тем больше вызовите его интерес. просто наблюдайте, а уж при возможности пусть конечно папа с ним говорит, и не навязчиво, а в плане беседы. мне со своим пришлось самой беседовать-)))))). но не в таком возрасте, а лет в 12-13 (НКРЯ – Наши дети: Подростки, 2004).

Это именно полноценная третья форма существования языка – опять же дискурс. Дискурс, чтобы быть дискурсом, нуждается в экстралингвистической составляющей. В частности, необходимым элементом коммуникативной ситуации является невербальная эмпатия между говорящим и адресатом. В ситуации обычного спонтанного устного речевого взаимодействия эту роль берут на себя паравербальные, просодические, кинесические средства, мимика, жест, поза, проксемика и пр.

В интернет-дискурсе недостаток эмпатии компенсируется разного рода графическими элементами, в частности, эмоджиконами, которые выступают не только в роли, так сказать, необязательных довесков к сообщению, но и в функции синтаксического членения речи, своеобразных знаков препинания:

Да, приходится часа 3 поыхтеть, пока Даня спит:-) а лучше всего, заранее придумывать тему к каждой фотке, я помню те, которые мне нравятся и ночью, пока засыпаю, придумываю тему, а потом утром, сочиняю коммент:-) Но у меня получается придумывать только к нестандартным фоткам (т. е. смешным):-) К стильным, как у Мамы Макса и других наших девочек, мне трудно, что-то придумать: -) Да и спешу за них проголосовать поскорее, а комменты сочиняю в последний день:-):-) (НКРЯ – Наши дети: Малыши до года (форум), 2004).

Коммуниканты словно чувствуют барьер, поставленный спецификой канала коммуникации – компьютером. Им не хватает эмпатии, выяснения отношений, ведь нет интонации, просодии и пр. Страдает столь важная для высококонтекстных культур (к которым относится и русская) категория искренности – ведь письменная речь как бы овнешняет формат общения, создает дистанцию между коммуникантами, не позволяет им обмениваться, так сказать, интенциональными состояниями непосредственно. Все новые выразительные средства, созданные в ин-

тернете – это, по сути, поиск путей и средств к устранению дистанции между коммуникантами, к устранению барьеров, поставленных дисплеем, а также взаимной удаленностью коммуникантов в пространстве и во времени.

Что это за новая пунктуация? Это эмоциональная пунктуация, где между клаузами ставится символ эмотикона (смайлика). Превращение этого, по сути, пунктуационного иероглифа в полноценный знак пунктуации доказывается его графической эволюцией. Двоеточие, тире и закрывающую скобку набирать долго → поэтому этот комплекс редуцируется до одной закрывающей скобки – знак «одна скобка» невозможен в традиционной пунктуации, так как скобки – знак выделительный. В интернет-дискурсе это знак разделительный, пауза между клаузами (типа точки, многоточия) – пример 1:

(1) *Мне однозначно школа больше нравится) хотя бы потому, что урок 40 минут идёт) ну и нагрузка поменьше) если меня сейчас в школу отправить, я отличницей стану)* (НКРЯ – коллективный. Форум: Универ (институт) VS школа. Плюсы и минусы. Где в итоге лучше и почему? 2011).

Есть даже такое «усиление» этого знака – примеры 2 и 3:

(2) *А Вы верите отчёту менеджеров метро?))) ИМХО, врут! ret. И меня терзают смутные сомнения, что врут* (НКРЯ – коллективный. Форум: Бесплатный проезд обойдется в 34,4 млрд, 2012);

(3) *мне со своим пришлось самой беседовать-))))))))). но не в таком возрасте, а лет в 12-13* (НКРЯ – Наши дети: Подростки, 2004).

Этой же цели служат и новые метатекстовые элементы, типа ИМХО, которое вполне с ортологической точки зрения можно расценивать как слово-«паразит», которые всегда были прерогативой исключительно устной ненормативной речи. Теперь они и в интернет-коммуникации.

А у меня нет косметички:) На полках стоят помады, духи, карандаш для губ, молочко для лица, тоник, салициловый спирт (от прыщей) и больше ничего:) *Анонимность автор: его право, ИМХО* (НКРЯ – Красота, здоровье, отдых: Красота (форум), 2005).

Как было уже сказано раньше, важна не только эмоциональная сторона общения, но и информационная. Этой цели во многом служит коммуникативное (тема-рематическое) членение речи. В письменной речи его средствами являются порядок слов, специальные слова и выражения, знаки препинания выделительного характера. В устной речи – словесное ударение и интонация.

В интернет-коммуникации рождаются собственные средства выделения ремы: капитализация, использование латиницы подчеркивание и/или разрядка, курсив, выделение жирным шрифтом – пример 1:

(1) *для сильно разочарованных есть ТЕЛЕФОН ДОВЕРИЯ... там модераторы следят, что б суицидника не расстраивали, а тут – уж слушайте ВСЕ мнения:)* это, имхо, справедливо:) (НКРЯ – Женщина + мужчина: Психология любви (форум), 2004).

Обнаружено даже вот такое экзотическое средство – повтор букв в слове – примеры 2 и 3:

(2) *«Малловато будет» имха)) Чем объясняет муж отсутствие более частого влечения к законной жене?* (НКРЯ – Женщина + мужчина: Секс (форум), 2004);

(3) *Блиииииииин. Саи!!!! это ужасно!* (НКРЯ – Переписка в icq между agd-ardin и Колючий друг, 16.01.2008).

Другой стороной обмена информацией в интернет-среде в условиях дефицита времени является необходимость формализации, автоматизации избыточных в информационном плане, повторяющихся элементов речи. Эта задача решается в синтаксисе интернет-коммуникации разнообразными средствами – либо графической заменой элементом иного кода (эмодзи), либо – чаще всего – сокращениями. Это, на наш взгляд, также явление, присущее исключительно интернет-дискурсу и не имеющее именно в таком виде аналогов ни в устной, ни в письменной форме (где на сокращения накладываются жесткие офографические ограничения).

Это могут быть сокращения, условно говоря, «по правилам» – примеры 1 и 2:

(1) *Послушала, правда не оч. внимательно, ибо дети отвлекают и кричат тут рядом. Что имею сказать. Это все, может, и правильно и, наверное, у кого-то работает* (НКРЯ – коллективный. Форум: Вопрос про себя, 2012);

(2) *я не хожу, нет денег:)* была у косметолога как-то, когда прыщи лечила, но она принимала в небольшом кабинете, не салоне:) на маникюр и педикюр не хоцца тратить средства... стрижки делаю нормально и дешевле гораздо в обычных парик-х, салоны, имхо. не особо-то лучше... (НКРЯ – Красота, здоровье, отдых: Красота (форум), 2005).

Но, чаще всего, не по правилам – примеры 3 и 4:

(3) *Но она вдвойне вредна, потому что большинство хозяек ввиду большой занятости или просто не догадываются, что нужно очень тщательно смывать и сред. д/ мытья посуды, и порошок. А как они загрязняют окр. среду! Не нужно, конечно, отказываться полностью*

от химии, но нужно искать им альтернативу: порошок и средство *д/мытья* посуды можно заменит обычным *хоз.* (НКРЯ – коллективный. Форум: Моющие средства (альтернатива), 2010);

(4) *Ну хорошо тогда, нас тоже в известность с прилетом аиста, пжлст.* (НКРЯ – Наши дети: Дошколята и младшие школьники (форум), 2005).

Перед нами – стихийно выработанные нормы именно сетикета, именно интернет-коммуникации, новая, так сказать, конвенциональность (*имхо, пжлст, спсб, с др* и проч.):

(1) *Подкиньте кто имтолок пжлст) буду благодарен)* (Интернет – URL: https://learnwithportals.com/groups/dota2_b/discussions/);

(2) *Но не написано, после уволен или нет! Спсб, добавили* (Интернет – URL: <https://twitter.com/meduzaproject/>);

(3) *Алексей, хоть лично не знаком,позволь присоединиться к многочисленным поздравляющим тебя с ДР! Всего-всего и даже больше!* (Интернет – URL: <https://akademekb.ru/t/428/page/84/go/592900>).

Чтобы доказать наглядно несводимость неформальной интернет-коммуникации к письменной речи (пусть и формально-письменной), мы провели небольшой эксперимент. Взяли «необработанный кусок» из интернет-пространства и привели его в соответствие стандартным нормам пунктуации письменной речи, по правилам русского синтаксиса и пунктуации, убрали повторы, алогизмы, обрывы, поменяли в некоторых местах порядок слов, устранили ненормативную парцелляцию для придаточных и пр.

На улицу мы вышли погулять на 9-й день, но у меня всё так болело, что долго не нагуляешься:-) К врачу надо было идти через 2 недели, это был наш первый выезд в общественное место:-) А в ресторан, праздновать, мы пошли на 17-й день – у мужа был День Рождения:-) А потом понеслось... :-) Еще раз хочу отметить:-) Если бы не моя усталость, выбрались бы с детём и раньше:-) Так что смотрите по своему состоянию:-) А приметы, ИМХО — ерунда:-)

На девятый день мы вышли погулять на улицу. У меня все так болело, что долго гулять не смогла. Через две недели надо было идти к врачу. Это был наш первый выезд в общественное место. На 17-й день мы пошли праздновать в ресторан – у мужа был день рождения. А потом понеслось...

Еще раз хочу отметить, что, если бы не моя усталость, выбрались бы с ребенком на улицу и раньше, так что смотрите по своему состоянию. А верить в приметы, по моему, это ерунда.

Что-то безвозвратно уходит. Что-то не то. Кажется, что то, что у нас получилось, это – фрагмент письма, остранинного, овнешненного, дистанцированного от адресата, но не поток спонтанного выражения мыслей. Нарратив вместо синхронного субъекта речи в ситуации симультанного речевого взаимодействия с ее адресатом.

В наших предыдущих работах мы рассуждали о противопоставлении лирики и нарратива как двух способов концептуализации реальности. В этом контексте дискурс неформального интернета тяготеет к лирике, хотя и с вкраплениями наррации (в отличие от обычной письменной речи).

В заключение хочется привести неоднократно цитировавшиеся слова Ю.С. Степанова о дискурсе, которые актуальны применительно к дискурсивной актуализации неформальной интернет-коммуникации: «В мире всякого дискурса действуют свои правила синонимических замен, свои правила истинности, свой этикет. Это – “возможный (альтернативный) мир” в полном смысле этого логико-философского термина. Каждый дискурс – это один из “возможных миров”. Само явление дискурса, его возможность, и есть доказательство тезиса “Язык – дом духа” и, в известной мере, тезиса “Язык – дом бытия”» [Степанов 1995: 38].

Интернет-дискурс, который и впрямь, на самом деле разворачивается в виртуальной реальности общения и тем самым заводит свои правила истинности, свой этикет и пр., в полной мере демонстрирует справедливость слов Ю.С. Не случайно именно Ю.С. Степанову принадлежит афористическая формулировка: «Дискурс – это пространство мысли».

Словно наш язык, попав в рамки интернет-среды, в зависимость от канала коммуникации и внеязыковых обстоятельств речи, сам, методом проб и ошибок, нащупывает, ищет и находит формы разворачивания дискурса, адекватные инновационным условиям коммуникации. Точнее, конечно, это делают люди, оперирующие языком, ища и обретая новую конвенциональность в новых для человечества обстоятельствах речевого взаимодействия «на удаленном доступе», «в дистанте» и пр.

Не берусь судить за человечество в целом, но наш язык в общем готов жить в дистанте на самоизоляции.

Список литературы

1. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация: сборник работ / Сост. В.В. Петрова; пер. с англ. под ред. В.И. Герасимова; вступ. ст. Ю.Н. Караулова, В.В. Петрова. М.: Прогресс, 1989. 310 с.
2. Демьянков В.З. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста. Вып. 2: Методы анализа текста; Всесоюз-

ный центр переводов ГКНТ и АН СССР. Тетради новых терминов, 39. М.: ВЦП, 1982. 288 с.

3. Радбиль Т.Б. Аномалии в сфере языковой концептуализации мира // Русский язык в научном освещении. 2007. №1 (13). С. 239–265.

4. Степанов Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца XX века: Сб. статей. М.: РГГУ, 1995. С. 35–73.

5. Степанов Ю.С. В мире семиотики // Семиотика: Антология / Сост. Ю.С. Степанов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. С. 5–36.

6. Chafe W. Discourse, Consciousness, and Time: The Flow and Displacement of Conscious Experience in Speaking and Writing. Chicago: The University of Chicago Press, 1994. 392 p.

ACTIVE PROCESSES IN MODERN RUSSIAN SYNTAX AND PUNCTUATION IN THE INTERNET: A COGNITIVE-DISCURSIVE ASPECT

© *T.B. Radbil*

The paper examines the ways of implementation and syntactic organization of the discourse of the Russian segment of the Internet as a syncretic phenomenon that organically combines the principles of actualizing oral and written forms of communication. The research material is text data extracted from the Russian National Corpus and obtained by the method of continuous sampling based on the results of the author's own Internet monitoring. The study shows that the syntax of Internet speech is not reduced to the process of hybridization of traditionally existing oral and written forms of language existence. In the usus of the information environment of the informal Internet, their own norms are developed, which are organic for the conditions of communication offered in this environment. The specific role of syntactic models of parcelling, segmentation, stringing techniques, graphic abbreviations, and other paraverbal means in informal Internet communication is analyzed. Also, special attention is paid to the originality of the punctuation design of speech on the Internet, the emergence of new punctuation norms.

Keywords: Internet discourse, active processes, syntax of Russian speech, punctuation, cognitive-discursive analysis.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССАХ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА¹

© Л.В. Рацибурская

Рассматриваются следующие обусловленные социокультурными факторами тенденции в современных деривационных процессах русского языка: вовлечение в словопроизводство новых заимствованных слов, активизация под влиянием процессов глобанглизации словообразовательных моделей сложных слов агглютинативного типа, функциональный динамизм словообразовательных формантов и появление новых словообразовательных формантов.

Ключевые слова: русский язык, словообразовательные процессы, новообразования, заимствованные слова, словообразовательные модели, словообразовательные форманты.

Словообразовательная система языка представляет собой открытую структуру, динамика которой в значительной степени определяется внешними факторами: языковые изменения «тесно связаны с тенденциями развития экономической и социально-политической сфер жизни общества» [Коряковцева 2021: 8].

На рубеже XX–XXI вв. русский язык, отвечая на знаковые цивилизационные вызовы современной эпохи, демонстрирует значительный потенциал динамического развития, что проявляется прежде всего в деривационных процессах.

Динамика словообразовательных процессов в русском языке начала XXI в. проявляется в вовлечении в деривационные процессы новых слов в качестве производящих. Большую роль в деривационных процессах играют социально значимые исходные слова, или ключевые слова социокультурного пространства. Вокруг таких слов обычно происходит быстрый, лавинообразный процесс роста производных, которые широко

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и РЯИК в рамках научного проекта № 20-512-23003 «Активные процессы в современном русском языке и их изучение в российской и венгерской лингвистике».

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR and FRLC, project number 20-512-23003 «Active processes in the modern Russian language and their study in Russian and Hungarian linguistics».

представлены в текстах печатных и электронных центральных и региональных СМИ, теле- и радиоэфира.

В последние годы в деривационные процессы активно вовлекаются ключевые слова пандемической эпохи: *ковид, коронавирус, корона, пандемия, вирус, вакцина, прививка, карантин* и др. События, связанные с пандемией коронавируса, не только значительно изменили жизнь российского социума, но и способствовали активизации словотворческих процессов, «результатом чего стал приток в язык массмедиа и интернета огромного количества новаций, связанных с новыми объективными условиями жизнедеятельности человека» [Русский язык коронавирусной эпохи 2021: 6].

Среди неодериватов на базе указанных ключевых слов – производные с префиксами *анти-, без-,* с семантикой отсутствия, отрицания, *до-, пост-* временной семантики, с размерно-оценочными префиксами *супер-, сверх-*: *Код антивируса* (Российская газета. 27.04.2021); *В Москве раньше штрафовали антимаасочников, а теперь – и «подбородочников»* (Комсомольская правда. 27.10–03.11.2021); *Все большую мощь год за годом набирает движение антипрививочников* (Наша Версия. 02–08.11.2020); *Антивакцинаторы ... всякую чушь несут* (Вести FM. 11.02.2021); *Антиковидники, ковид-диссиденты очень сильно активизировались* (Вести FM. 26.09.2021); *В наши дни у Рашикина активная антипрививочная позиция* (Россия 1. 31.10.2021); *Лукашенко рассказал о просьбе к Москве выделить «антиковидный» кредит* (РБК. 09.08.2021); *Все безмасочники как на подбор: думают, что они революционеры и рок-звезды* (Комсомольская правда. 27.10–03.11.2021); *С 1 декабря 2020 года начала работать в бесковидном режиме больница 19...* (Om1.ru. 26.03.2021); *На карте России не осталось белых, безвакцинных пятен* (Россия-1. 26.03.2021); *Возвращение туризма на докоронавирусный уровень в планах пока не значит* (Россия-24. 13.05.2020); *Ковидные госпитали переходят к доковидной жизни* (Россия-1. 07.06.2020); *Эксперт спрогнозировал возвращение в 2022 году безработицы на допандемический уровень* (Известия. 26.02.2021); *В допандемийное время количество участников форума превышало...* (5-й канал. 29.05.2021); *...мало кто помнит, какой была смертность от инфекций в довакцинальную эпоху* (Российская газета. 20.10.2021); *Отдых в посткоронавирусную эпоху будет другим* (1-й канал. 27.04.2020); *Рассказываем, как справиться с поствирусной усталостью* (Sunmag, 08.11.2020); *Вакцина от ГНЦ «Вектор» на предварительных этапах исследований показала почти полное отсутствие постпрививочных*

реакций... (Российская Газета. Неделя. 28.10.2020); ...**посткарантинная тенденция** (sunmag.me/trend/24-04-2020); **Постковидный синдром** сегодня всесторонне исследуется учеными <...> появление бессоницы после коронавирусной инфекции стало одним из главных симптомов **постковида** <...> Впервые за последние 7 лет появилась навязчивая идея жениться <...> Согласен с детьми, с ипотекой, даже на **постковидницу** (Московский комсомолец. 28.04–04.05.2021); ...**будь то ядерное оружие или какой-нибудь суперкоронавирус**... (mixednews.ru/archives/162957); **Объявится суперковид 2020, который сделает богатыми еще несколько человек в мире** (narprod.com/blog/klimenkov); А я думал, как идеи **сверхкоронавируса** сносят башины поклонников коронавируса (arion.ru 28.03.2020); **Инопланетное происхождение сверхковида еще не рассматривали** (eva.ru/forum).

Суффиксальные производные на базе ключевых слов пандемической эпохи представлены прилагательными с суффиксом **-н(ый)**, существительными с суффиксом **-н(ик)** со значением лица и помещения, а также с размерно-оценочными суффиксами **-ик**, **-ушк(а/о)**, **-онок**, глаголами с суффиксом **-и(ть)**: Несмотря на **«коронавирусные» ограничения, фестиваль продолжается** (День города. 29.07–04.08.2020); **Поэтому лучше не экспериментировать, не рисковать здоровьем, не устраивать «ковидные вечеринки»** (Российская газета. 28.04.2021); **Не знаю, может, мне показалось, но в фильмах и сериалах пандемийной поры актеры держали между собой «социальные дистанции»**... (Российская газета. 26.04.2021); **В Европе новый вакцинальный скандал** (1-й канал. 25.04.2021); **И в соцсетях, и в офлайне (в транспорте, магазинах) растет противостояние «масочников» и «безмасочников»**. Ковид еще больше разделит население по классам и возрастам (Аргументы недели. 06.11.2020); **На судмедэкспертизу везут не «ковидников», а умерших при невыясненных обстоятельствах** (hromadske.ua. 19.05.2021); **Китайский «ковидник» в крупном порту поставил под угрозу мировую торговлю. Власти перекрыли одну из самых загруженных морских гаваней** (mk.ru. 13.08.2021); **слабенький, хиленький коронавирусик** (tsargrad.tv. 20.11.2020); **И ковидик по степени патогенности очень слабенький** (tsargrad.tv. 02.08.2020); **Вот спасибо тебе тогда будет короновирушка наш – накормилец!** (fakeoff.org. 18.03.2020); **проникшим в поры цивилизации изменчивым вирусом «ковидушки»** (Наша Версия. 30.07.2020); ...у одного человека, в организме которого (как и у всех) миллиарды миллиардов **вирусенков**, у одного **вирусенка** возникла мутация (m.buisiness-gazeta.ru. 23.05.2020); **А маленькие вирусята, «выйдя из**

роддома на волю», отправляются на охоту за другими здоровыми клетками (Вести.RU. 31.10.2021); Мы **карантиним** в таких тонах (НТВ. 26.04.2020); **Двойные стандарты! Работать нельзя, а вот волонтерить можно!** (МК в Нижнем Новгороде. 15–22.04.2020).

Еще одной тенденцией в области словообразовательных процессов является активизация отдельных словообразовательных способов и моделей. В современных медийных текстах широко представлены новообразования, созданные способом узуального сложения по моделям агглютинативного типа без соединительных элементов. В качестве частей таких слов выступают ключевые слова пандемической эпохи **ковид** и **корона**: *Таких уже называют **ковид-диссидентами**: они не верят в эпидемию* (Россия-24. 01.05.2020); *Слышала, **ковид-пациентов** лечат даже препаратами для ВИЧ-инфицированных* (СВ. 22–28.05.2020); *Во Владивостоке появились желтые **ковид-маршрутки*** (Российская Газета. Неделя. 31.03.2021); *Несколько дней мы лечились дома, но состояние становилось все хуже, и ее госпитализировали в ижевский **ковид-центр*** (<https://forum.sevastopol.info/viewtopic.php?t=1435282&start=15500>); *Но даже по официальной статистике – более 10 процентов легко переболевших получают «лонг-ковид»* (Российская газета. 20.10.2021); *Вирус как оружие. Кто инициировал **коронаисторию*** (zen.yandex.ru. 27.03.2020); ***Коронадайджест*** (Общество. 30.03.2020); *У психиатров уже появились новые диагнозы: **коронаневроз, коронапсихоз** и далее по списку, в зависимости от количества масок, перчаток, пакетов на голове, количества дезинфекций всего и вся и т.д. Кроме шуток* (Российская газета. 12.11.2020); *В Интернете настоящий **коронабум*** (Россия-1. 24.04.2020); *Готовят внушительный фотоальбом с **коронатворчеством*** (Комсомольская правда. 15–22.04.2020); *Это ответ так называемым **коронаскептикам**, которые утверждают, что вирус не так опасен* (1-й телеканал. 25.04.2020); *...в мире говорят о третьем пришествии **коронакризиса*** (НТВ. 06.04.2021); *Я очень благодарен проекту **Маска**, который разбавил эту **корона-ситуацию*** (НТВ. 02.05.2021).

Всеобъемлющее влияние Интернета, цифровизация и получившее в период пандемии распространение мероприятий дистанционного, удаленного характера способствовали активизации в сложных словах частей **интернет-**, **онлайн-**, **дипфейк-**, аббревиатур **IT**, **VR**: *Аудитория **интернет-версий** изданий выросла на 100 млн человек* (Российская газета, www.rg.ru. 24.04.2020); *Теперь и у широкой **интернет-аудитории** появилась возможность посмотреть и оценить* (1-й канал. 11.05.2020); *Что навязывают своим свидетелям «просветленные» **интернет-***

учителя (Россия-24. 31.07.2020); *Просчитались интернет-паникеры из разных стран* (НТВ. 18.04.2020); ...*фишинг, выуживание – вид интернет-мошенничества, целью которого является получение доступа к конфиденциальным данным пользователей. Выявленные сайты маскировались под интернет-магазины* (Российская газета. 25.08.2021); *Эти интернет-продавцы очень умные...* (Вести FM. 16.10.2021); *Честно говоря, не понимаю, что мешало элементарно позвонить мне и узнать, что я-то думаю про эти «телеграм-разоблачения», – написала она в инстаграме* (РИА Новости. 27.05.2021); *Волонтеры объяснят, как уйти на налоговые каникулы и помогут выбрать онлайн-няню* (Комсомольская правда. 15.04.2020); *Какие онлайн-проекты помогут учиться на карантине* (Российская Газета.Неделя. 22.04.2020); *Создана онлайн-тетрадь для школьников и учителей* (Российская Газета.Неделя. 22.04.2020); *Модные показы перейдут в онлайн-формат* (sunmag.me/trend/24-04-2020); *Пятая неделя изоляции. Онлайн-спектакли, онлайн-кинотеатры, онлайн-библиотеки, онлайн-онлайн-онлайн* (kommersant.ru. 24.04.2020); *Вакцина от хореографов фестиваля «Спасская башня»: онлайн-уроки танцев народов мира* (Российская газета. 02.05.2020); *Чтобы не запутаться окончательно, разберем пошагово процесс создания дипфейк-видео <...>. Однако дипфейк-медаль стремительно открывает другую сторону <...>. Но нерешенной остается проблема правового рельефа нынешнего дипфейк-ландшафта <...>. Тем не менее правовое регулирование остального дипфейк-контента остается размытым* (Российская Газета. Неделя. 20.10.2021); *Крупные и богатые IT-компании продолжают игнорировать требования Роскомнадзора <...> IT-гиганты зарабатывают в нашей стране огромные деньги, но при этом не платят налоги в бюджет...* (Российская газета. 20.04.2021); *Так, с помощью умной оптики или гиперспектрального мониторинга из космоса можно повысить урожай, а с помощью VR-тренажера и беговой дорожки подготовить специалистов к работе в экстремальных условиях <...> Доцент <...> Тамбовского гостехуниверситета Артем Обухов подробно рассказал о прикладном значении VR-технологий. Ученый представил проект «Адаптивная беговая платформа для тренажерных VR-комплексов...»* (Российская газета. 14.09.2021).

Активизация подобных моделей, как считают исследователи, обусловлена влиянием «глобанглизации» [Коряковцева 2021] и отражает тенденцию к аналитизму.

Среди неузальных способов наибольшую активность проявляет контаминация. К контаминированным неодериватам относятся сложные

слова с произвольным совмещением формально тождественных частей исходных слов: *Сомелье и энологи предлагают народу **вакхцину** и **вакхцинацию*** (123ru.net. 26.04.2020) – Вакх + вакцина; *Самый популярный хештэг <...> – **#вакцинацизм*** (1-й канал. 14.08.2021) – вакцина + нацизм; *Коронавирус сегодня нанес ощутимый удар по мировым рынкам... Этот год для мировых бирж, похоже, стал **вирусокоосным*** (НТВ. 28.02.2020) – вирус + високоосный; *Во время вынужденного одиночества Уильямс развлекал себя и своих подписчиков в инстаграме исполнением песен по заявкам, <...> назвав это шоу **«карантиноке»*** (intermedia.ru. 16.04.2020) – карантин + караоке; *Лингвистическая **коронавирусистика**. Слово «коронавирус» вошло в общезыковой лексический фонд совсем недавно (до этого оно было известно только узким специалистам и даже писалось через дефис: «корона-вирус»), однако всего лишь за несколько месяцев русский язык успел приспособить его под себя* (philfak.ru. 05.05.2020) – коронавирус + русистика; *«Новая **коронормальность**» в социально-политической рефлексии* (Околокремля. 28.05.2020) – корона + нормальность; *Образец, выдавший **ковиды**. Утвержден единый сертификат о вакцинации* (Российская газета. 27.10.2021) – ковид + (выдавший) виды.

Ученые связывают подобные всплески словообразовательной активности в СМИ с ситуациями, которые могут быть подвергнуты комической трактовке и тем самым послужить толчком для языковой игры [Радченко 2021].

Актуальной тенденцией в словообразовательных процессах современного русского языка является функциональный динамизм ряда аффиксов и аффиксоидов, в частности вовлечение аффиксальных элементов книжного, терминологического характера в создание экспрессивных новообразований. Так, Е.В. Сенько и Т.Г. Цакалиди отмечают динамизм книжных иноязычных аффиксов в расширении их сочетаемости в составе экспрессивно окрашенных новообразований [Сенько, Цакалиди 2017]. К функционально подвижным аффиксоидам можно отнести префиксоиды *кибер-* с семантикой ‘относящийся к технической кибернетике (автоматической системе управления)’, ‘связанный с использованием компьютеров, компьютерной сети (Интернета), основанный на их применении’, ‘оснащенный, оборудованный компьютерами’ [Козулина, Левашов, Шагалова 2009: 115] и *крипто-* с семантикой ‘относящийся к тайному, неявному, скрытому...’ [Козулина, Левашов, Шагалова 2009: 126], которые представлены как в неодериватах терминологического характера, так и в экспрессивно-оценочных новообразованиях;

ср.: В числе самых перспективных разработок – проект **«Киберсердце»**, с помощью которого будет возможно через специальное приложение на смартфоне оценить состояние сердечно-сосудистой системы (Патриоты Нижнего. 2017. № 48); В Сургутском районе стартует **киберолимпиада** (Сургутинтерновости. 08.11.2018) и **Киберорда**. В мире действуют не единичные хакеры, ворующие данные кредиток, а мощные преступные группировки (Новая газета. 28.08.2017); Россия на британские и американские **киберобвинения** уже отреагировала (Россия-24. 02.05.2018); Если есть **киберпреступники**, то должны быть **киберследователи** (Радио России. 18.01.2020); **Киберкриминальный обзор ... Все это – дело рук кибервымогателей** (НТВ. 14.05.2021); Отказавшись от идеи тотального запрета, корейские власти собираются принять ряд жестких мер по деанонимизации **крипторынка** (Rusbase. 18.01.2018); В Госдуме предложили создать **крипторубль** (Взгляд, 07.11.2018); Здание **криптофермы** уже опечатано (Россия 1. 23.05.2019) и Понимаю, что у многих **крипто-сектантов** сейчас будет бомбить, но всё же внесу свою лепту и постараюсь на пальцах пояснить, почему у биткоина нет будущего как у криптовалюты (Livejournal. 01.05.2018); ...киберпреступники добиваются прогресса в разработке и развертывании атак на основе роя. <...> возможная угроза может быть реализована, если сейчас не будут предприняты приготовления для противодействия ей путем принятия **крипто-гибкости** (Российская газета. 06.04.2021).

Динамизм словообразовательной системы связан и с появлением новых словообразовательных аффиксов. Так, новый заимствованный префикс **мега-** имеет размерно-оценочную семантику и может указывать не только на большой размер денотата, но и на оценку, которая обычно связана с производящей семантикой и контекстом; ср.: Представляет из себя **мега-подборку** редких фотографий маршалов и генералов Победы на различных послевоенных парадах (Livejournal. 01.05.2019); Увеличению доходов отдельных людей способствовали **мега-стадионы**, офисные центры, супермаркеты (Аргументы и факты, www.aif.ru. 2020. № 19); А без притока денег финансировать индустриализацию и **мега-стройки** невозможно (Комсомольская правда. 20–27.10.2021) и Небензя назвал происходящее **мегапровокацией** (Бизнес FM. 06.04.2018); Это **мегамасштабная** трагедия (Россия-24. 27.03.2018); Обратите внимание на остекленный торговый **мега-сарай** – его поставили не так давно (Livejournal. 05.11.2018); Поговаривают, что израильская школа политической риторики, которой сопровождается проект «Зелен-

ский», настроена на **мегаактивную**, но ювелирную работу по российскому направлению (Facebook. 29.04.2019); **Это мега-опыт**, он был уникален для меня (НТВ. 26.04.2020); ...я не говорю, что у меня **мегамозг**, что мое слово – истина в последней инстанции (Комсомольская правда. 20–27.10.2021).

В эпоху глобализации, постмодерна и «медийного бума», когда экспрессивность и вербальная агрессия становятся нормами поведения, «растет спрос на скандальную информацию, представляющую мир в упрощенном виде» [Коряковцева 2016: 37]. Для создания негативного имиджа политика, общественного деятеля журналисты используют новый заимствованный из английского языка суффиксоид *-гейт* со значением ‘политический скандал’: **«Трам-гейт»** российской блогосферы высветил основной вопрос именно здешнего политика: зрелость фашистских настроений (Forum.msk.ru. 19.12.2016); **Чем полезен «Слуцкий-гейт»?** Обозреватель «Коммерсантъ FM», главный редактор проекта «Сноб» Станислав Кучер объясняет, почему, на его взгляд, скандал вокруг обвинений депутата Леонида Слуцкого полезен для всех и каждого (Коммерсантъ. 26.03.2018); **Все это, получившее название Скрипальгейта**, уже порядком надоело (НТВ. 09.02.2019); **И что дальше в новичок-гейте?** (Бизнес FM. 07.04.2018); **Во-первых <...> «паспорт-гейт»** направлен не на Зеленского, который еще не приступил к обязанностям президента, а на Порошенко <...> а во-вторых, что раздача паспортов РФ на Донбассе не будет массовой (Facebook. 29.04.2019); **Харассмент-гейт**: Скандал с обвинениями в домогательствах прокатился по всему миру (<https://www.rbc.ru/story/5a06bdcd9a7947dc6911dc88>); **СМИ: участницу скандала "Ибица-гейт" укрывают спецслужбы на Балканах** (ТАСС. 04.12.2019).

Использование суффиксоида *-гейт* является популярным манипулятивным приёмом. Исследователи указывают на социокультурные факторы продуктивности данного суффиксоида, связывая ее с частотой скандалов, вызванных аморальным поведением политиков и представителей правящих кругов [Коряковцева 2016].

Таким образом, современная словообразовательная система имеет динамический характер и отличается «активизацией определенных словообразовательных моделей, явно выраженной установкой на языковую игру, функциональным динамизмом» [Диброва, Касаткин, Николина, Щеболева 2008: 464]. К основным тенденциям современных словообразовательных процессов относятся вовлечение в деривационные процессы новых производящих слов, основ («коронавирусная») лексика, «ин-

тернет»-лексика и др.); активизация узуальных моделей образования сложных слов агглютинативной структуры и незузуальных моделей образования контаминированных неодериватов; функциональный динамизм словообразовательных формантов (*кибер-*, *крипто-* и др.); появление новых словообразовательных формантов (*мега-*, *-гейт* и др.).

Список литературы

1. Диброва Е.И., Касаткин Л.Л., Николина Н.А., Щеболева И.И. Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц: Учебник для студентов высших учебных заведений: в 2-х ч. Ч. 1 / Под ред. Е.И. Дибровой. М.: Академия, 2008. 480 с.
2. Козулина Н.А., Левашов Е.А., Шагалова Е.Н. Аффиксоиды русского языка. Опыт словаря-справочника. СПб.: Нестор-История, 2009. 288 с.
3. Коряковцева Е.И. Очерки о языке современных славянских СМИ (семантико-словообразовательный и лингвокультурологический аспекты). Siedlce: Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach, 2016. 152 с.
4. Коряковцева Е.И. Nomina actionis: эволюция периферийных словообразовательных категорий в эпоху глобализации. Естественно-гуманитарный университет в г. Седльце, 2021. 169 с.
5. Радченко М.В. Особенности современного медийного словотворчества в русском и хорватском языках // Активные процессы в современном русском языке: национальное и интернациональное: Сб. науч. ст. М.: Флинта, 2021. С. 649–660.
6. Русский язык коронавирусной эпохи. Коллективная монография / Ред. колл.: Е.С. Громенко, Н.В. Козловская, А.С. Павлова, М.Н. Приемышева (отв. ред.), Ю.С. Ридецкая. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2021. 556 с.
7. Сенько Е.В., Цакалиди Т.Г. Функциональный динамизм русского словообразования (на примере суффикса *-ant* в современном русском языке) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 12-1(78). С. 150–154.

THE MAIN TRENDS IN THE WORD-FORMATION PROCESSES OF THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE

© *L. V. Ratsiburskaya*

The article considers the following trends in modern derivational processes caused by socio-cultural factors: the involvement of new borrowed words in word production, activation of word-formation models of complex words of agglutinative type under the influence of the processes of globaliztion, functional dynamism of word-formation formants and the emergence of new word-formation formants.

Keywords: the Russian language, derivational processes, neoderivatives, borrowed words, word-formation models, word-formation formants.

ИНТЕРНЕТ-МЕМ КАК МЕХАНИЗМ СОЗДАНИЯ КОМИЧЕСКОГО В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ¹

© *Н.А. Самыличева*

Интернет-мем рассматривается как информация в той или иной форме, как правило, остроумная или ироническая, неожиданно приобретающая популярность, распространяющаяся в Интернете различными способами. Мемом может быть как изображение, так и видео- или аудиозапись, которые имеют особое значение и регулярно создаются в Интернете. В данной статье анализируются основные характеристики интернет-мема как лингвистического явления. Представляются популярные классификации мемов. Обозначаются способы создания комического эффекта в интернет-мемах. Исследование проводится на материале социальных сетей «ВКонтакте» и «Инстаграм» при использовании структурно-функционального подхода. Интернет-мемы выявлены методом случайной выборки.

Ключевые слова: интернет-мем, полиmodalность, комическое, интернет-коммуникация, интернет-пространство.

Специфика интернет-коммуникации заключается в том, что она глобальна и в ней присутствует возможность распространять мгновенно любую информацию. Почти сразу такая свободная коммуникация приобретает игровой характер, что обусловлено анонимностью и отсутствием ограничений.

Игровой компонент реализуется с помощью особого языка, который используется в интернете. Общение в сети подразумевает видоизменение литературного языка для достижения творческих целей, предполагающих экспериментирование над языком, специальное нарушение нормы. Чаще всего цели, связанные с необычным использованием языка, имеют установку на достижение комического эффекта.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и РЯИК в рамках научного проекта № 20-512-23003 «Активные процессы в современном русском языке и их изучение в российской и венгерской лингвистике».

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR and FRLC, project number 20-512-23003 «Active processes in the modern Russian language and their study in Russian and Hungarian linguistics».

Некоторые исследователи определяют интернет-мем как средство коммуникации, подчеркивая его коммуникативный потенциал. Другие подчеркивают культурную специфику этих единиц. Нам близка позиция И.В. Горобцовой и Н.Ю. Киселевой, которые определяют интернет-мем как особый речевой жанр, указывая на его дискурсивные признаки [Горобцова, Киселева 2014].

Основными характеристиками интернет-мема являются следующие [Канашина 2017: 84–90]:

- 1) вирусность – способность интернет-мема распространяться с огромной скоростью в виртуальном пространстве;
- 2) реплицируемость – способность интернет-мема воспроизводиться и распространяться в интернете, при этом подвергаясь изменениям, за счет чего происходит обновление;
- 3) серийность – возможность образовывать ряды схожих единиц на основе одного интернет-мема;
- 4) эмоциональность – свойство мема передавать эмоции и вызывать их;
- 5) актуальность – привязанность интернет-мема к определенному социальному и культурному контексту;
- 6) юмор – это способность интернет-мема вызывать смех различными способами;
- 7) фантазийность – способность интернет-мема моделировать различные ситуации, использовать причудливые мотивы;
- 8) медийность – вовлеченность интернет-мема в систему средств массовой коммуникации;
- 9) мимикрия – способность интернет-мема подражать и имитировать различные жанры, например плакат, обложку журнала, открытку, кулинарный рецепт и т.д.;
- 10) минимализм формы – данная черта интернет-мема напрямую связана с его способностью тиражироваться в интернете; кроме того, сжатая форма облегчает понимание, декодирование смысла мема пользователем;
- 11) полимодальность – свойство, позволяющее интернет-мему передавать информацию с помощью нескольких каналов, а именно вербального и визуального.

По знаковому признаку можно разграничивать следующие виды мемов.

1. Визуальные. Это самый распространенный тип. К ним относятся фотожабы (изображения, созданные с помощью программы Photoshop), фейсы (отрисованные лица, которые передают разные эмоции) и просто

забавные фотографии или картинки. Например, сюда можно отнести «Ждуна», «Упоротого лиса».

2. Аудиальные. К этой группе относятся песни (*Я буду петь свою музыку* – цитата из песни Хаски, которая позже стала символом поддержки свободного творчества музыкантов), слоганы (слоган компании Snickers – *He тормози, сникерсни*), девизы.

3. Текстовые. Любые словесные выражения, стихи (строка из стихотворения А.С. Пушкина *Гений чистой красоты*), слоганы в текстовом виде, неологизмы (*Крымнаш*).

4. Смешанные. К ним можно отнести демотиваторы, эдвайсы, комиксы, а также видеоролики.

В рамках нашего исследования мы рассмотрим только текстовые и смешанные типы интернет-мемов, поскольку нам важно создание комического эффекта именно в рамках текста.

Кроме того, текстово-визуальные мемы можно классифицировать по структуре [Горбачев 2013].

1. Двусоставные мемы. Представляют собой двухчастные высказывания (завязка + панчлайн (от англ. *punch* – ‘удар’ и *line* – ‘строка’), вступающие в сложные смысловые отношения с визуальной составляющей. Панчлайн в создании юмора играет немаловажную роль: эта, так называемая, «ударная строка» создает удивление, из-за которого шутка или мем нас смешит. По этой модели построены многие демотиваторы, где картинка служит сюжетной составляющей, первая строка – завязкой, а вторая – панчлайном. Примерно то же оформление и у эдвайсов.

2. Персонажные мемы. Такие мемы завязаны на характере и образе персонажа, который представлен на картинке. В них визуальная составляющая выполняет функцию вербальной, то есть является завязкой или панчлайном.

3. Мемы с анимированными картинками или гифки. Это просто короткая, чаще всего невербальная зарисовка, где представлена эмоциональная реакция на что-либо. Однако также популярными являются так называемые гифки, в которых реальный текст из видеоряда отсутствует (так как gif-изображение не подразумевает звука), а вместо него вставлены субтитры, которые тем или иным образом вербально обыгрывают отображенную на гифке эмоцию.

4. Синтаксические мемы. Построены по ранее заданному шаблону с рядом переменных по различным моделям. Например: «Я X, я не хочу ничего решать, я хочу Y» или «Кто мы такие? – X! Чего мы хотим? – Y!» и другие. Такой же переменной является и графическая составляющая

шая, которая непосредственно иллюстрирует комическую синтагму – иногда картинка не является обязательной, и шутка может быть исключительно смысловой.

5. Ситуативные мемы. Схожи с синтаксическими мемами, только структура задается не текстом, а определенной последовательностью изображений. Например, четырехчастная сценка с В.В. Жириновским.

6. Компаративные мемы. В них сопоставляются несколько картинок, объектов, мыслей и тому подобное. Комический эффект возникает из-за несовпадения идеального с реальным, старого с новым и так далее. Общая драматургия завязана на взаимодействии сопоставляемых элементов. Компаративные мемы, как правило, иллюстрируют множественность универсума и/или его принципиальное несовершенство. Очень часто в них повторяются одни и те же шаблоны: «Ожидание/Реальность», «X нормального человека / X курильщика», «Что-то модно / Что-то вышло из моды / Что-то вечно» и другие.

7. Текстовые мемы в узком смысле. Чаще всего это простые анекдоты, которые «упакованы» в графический формат. Отдельный их подвид – смешные псевдоподлинные диалоги в СМС, чатах или мессенджерах.

8. Метамемы. Это мемы, реферирующие к другим мемам. Они намного труднее поддаются пониманию рядовыми пользователями «ВКонтакте». Сам по себе юмор в социальных сетях не всегда понятен неопытному пользователю, что уж говорить про шутки над этим юмором. Примерами могут служить мемы, отсылающие нас к «пацанским» цитатам. Есть и паблики, посвященные метамемам, например, «Нечеткие приколы», где все изображения в прямом смысле нечеткие, то есть плохого качества или размытые.

9. Экзистенциальные мемы. Существует целый сегмент мемов, в основе которого лежит эффект, прямо обратный комическому. Так, подчеркивается вечная безысходность жизни в России, а то и бессмысленность жизни в целом. Нередко они обыгрывают обычные юмористические мемы, переводя их в трагический регистр.

Целесообразно разобрать причины широкой популярности мемов и их комического эффекта.

Мемы создаются для того, чтобы люди могли воспринимать эмоции, заложенные автором, а затем транслировать их. Автор подобной публикации может делиться радостью, печалью, интересными фактами, может иронизировать над кем-то или высказывать свое недовольство в грубой форме, надеясь на подобную реакцию пользователей, которые

этот мем видят. Мы остановимся на тех интернет-мемах, которые создаются с юмористической целью.

В рамках комической коммуникации достаточно часто представлены прецедентные тексты как основа интернет-мема. Их трансформация также приводит к обману ожидания, ведь человек склонен воспринимать знакомый текст целостно, додумывая его окончание неосознанно. Приведем пример: *Я знаю пароль я вижу ориентир еще 2 по 0.5 и я спасу мир*¹. Исходный текст песни Веры Брежневой дополняется другими словами, из-за чего возникает комический эффект. В следующем примере обыгрывается миф о Сизифе, а также фразеологизм *сизифов труд*. Интернет-мем *Я обязательно дотолкаю* обозначает неизбежность обратного, а облачение в форму другого популярного мема *Я обязательно выживу* вызывает комический эффект.

При создании комического эффекта на словообразовательном уровне часто используются окказиональные новообразования. Одним из самых распространенных способов словообразования при этом является гибридизация. Например, *винокрад* образовано от лексем *крадет* и *виноград* (на картинке изображены кот и виноград). Или, например, слово *стресс* вставляется внутрь лексемы *сессия* и получается *стрессия* (слово изображено на фоне зачетной книжки студента).

На лексическом уровне для создания комического эффекта часто используются паронимы и различные виды омонимов, на базе которых создаются алогизмы и каламбуры. Например, в следующем изображении обыгрываются части слова, которые звучат как отдельные слова: *Рисовал рис овал* (изображение дублирует текстовую составляющую интернет-мема – одна «рисинка» рисует на мольберте овал).

В следующем примере происходит обратное: два слова *на день*, звучат как одно *надень* (изображена влюбленная пара и отображен их диалог: – *А что ты мне подаришь?* – *Когда?* – *На День Святого Валентина.* – *Зачем его надевать?*).

Есть также категория мемов, которые обыгрывают омо-явления на базе одной лексемы. В их центре располагаются слова, которые могут быть прочитаны по-разному, чаще всего омографы: *Виски (Виски. Это был быстрый тест на то, алкаш вы или парикмахер), Орган (Орган. Это был быстрый тест на то, музыкант вы или хирург), Я плачу (Это был легкий тест на ваше материально состояние).*

¹ Орфография и пунктуация авторов в интернет-мемах сохранены.

Также за счет омонимичности частей слов реализуется комическая составляющая в ином интернет-меме: слово *бетономешалка* раскладывается на корни, соответственно *бетон* и *мешать*, и происходит выстраивание языковой игры на базе омонимии глагола. Персонаж говорит, что *мешал бетон*, и это можно воспринять двояко: он мешал бетон или ему мешал бетон. Благодаря нарушению полноты высказывания – за счет использования неполного предложения, где отсутствует дополнение или подлежащее – появляется комический эффект (на ряде изображений диалог двух попутчиков в машине: – *Вчера спал в бетономешалке. – И как? – Бетон мешал*).

В качестве следующего примера приведем ряд каламбуров, связанный с обыгрыванием названий книг. В каждом случае разные слова, сходные по звучанию с исходными названиями произведений, вставляются в заголовок, и получаются забавные, но часто не имеющие смысла, наименования. Например, вместо «Трое в лодке, не считая собаки» Джерома К. Джерома – *Трое в лодке, нищета и собаки*, вместо гоголевской повести «Тарас Бульба» – *Тараса и бульбу*. Далее эту юмористическую коллекцию несуществующих книг дополняют *Вой на мир* – вместо романа «Война и мир» Л.Н. Толстого, *Мертвые в душе* – «Мертвые души» Н.В. Гоголя, *Над пропастью моржи* – измененное название романа «Над пропастью во ржи» Дж. Д. Сэлинджера и *Побег из шоу Шенка* – трансформированное название на этот раз художественного фильма «Побег из Шоушенка», который, в свою очередь, снят по мотивам повести Стивена Кинга «Рита Хейворт и спасение из Шоушенка».

Кроме звукового и графического сходства слов, в мемах довольно часто обыгрываются разные лексические значения одного и того же слова. В качестве примера приведем мем, связанный с областью литературоведения. В нем представлен вымышленный диалог двух писателей – Н.В. Гоголя и М.А. Булгакова. Ссылаясь на реальный исторический факт, связанный с тем, что оба писателя ввиду различных обстоятельств сжигали свои рукописи, автор мема придумал их диалог. В нем обыгрывается два лексических значения слова *зажигать*. Сначала на передний план выходит переносное, сленговое значение ‘веселиться’. Из дальнейшего диалога уже становится понятно, что первый говорящий имел в виду прямое значение – ‘заставлять гореть’ (– *Миш? – Что? – Сегодня будем зажигать. – Снова вторая часть не нравится?*). Довольно любопытно видеть вымышленный разговор двух писателей, обсуждающих причины уничтожения собственного творчества, а указанный языковой прием, использованный в меме, только увеличивает комический эффект.

Подобный прием обнаруживается и в следующем демотиваторе: *Чё вылутился*, что подталкивает реципиента воспринимать слово *вылутился* в грубопросторечном значении 'уставиться на кого-то', но сопровождающее изображение иллюстрирует реальный выход персонажа Лунтика из яйца, подобно тому, как это делают цыплята и змеи. Опять же ключом к пониманию становится картинка, но языковая игра строится на двух лексических значениях одного слова.

При рассмотрении особенностей комического в современных интернет-текстах можно прийти к выводу, что не всегда комическое высказывание или ситуация будут встречены смехом, и смех, в свою очередь, звучит не только в ответ на остроумие. Эти понятия постепенно отдаляются друг от друга, и виртуальная коммуникация этому только способствует.

Лингвистическая комическая коммуникация становится возможной, когда правила нормальной коммуникации не соблюдаются. В основе вербального юмора лежит несоответствие между представлением человека и тем, что он услышит или прочитает. Такое несоответствие является «спусковым крючком» для комического эффекта.

Интернет-мем, являясь полимодальной единицей, имеет еще больший юмористический потенциал. Обман ожиданий может быть выстроен не только благодаря несоответствиям ожиданий человека, но и из-за внутреннего противоречия между разными единицами информации (чаще всего, графической и текстовой).

Из всего сказанного следует вывод о том, что интернет-мемы в настоящее время являются наиболее популярным способом выражения юмористического посредством языковых средств. Это связано с особенностями коммуникации в интернете: эмоциональностью, лаконичностью и абстрактностью.

Список литературы

1. Горбачев А. Все развлечения «Вконтакте». Типология мемов от улыбчивого кавказца до Саши Грей. Дата публикации 18 марта 2013 г. URL: <http://gorod.afisha.ru/archive/vk-tipologiya-memov> (дата обращения 10.01.2022).
2. Горобцова И.В., Киселева Н.Ю. Речевой жанр интернет-мема в современном англоязычном сетевом пространстве // Современные тренды развития социогуманитарного знания: сборник трудов конференции. Ростов-на-Дону: Общество с ограниченной ответственностью Международный исследовательский центр «Научное сотрудничество», 2014. С. 140–151.
3. Канашина С.В. Что такое интернет-мем? // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2017. № 28(277). С. 84–90.

INTERNET-MEME AS A MECHANISM FOR CREATING COMIC SIDE IN THE INTERNET SPACE

© *N.A. Samylicheva*

The author of the article regards an Internet-meme as information in some form, usually witty or ironic, suddenly gaining popularity, spreading on the Internet in various ways. A meme can have an image, video or audio form that have a special meaning and are steadily spreading on the Internet. The main characteristics of the Internet-meme as a linguistic phenomenon are analyzed, popular classifications are presented. Also, ways to create a comic effect in Internet memes are presented. The study is conducted on the material of the social networks «VKontakte» and «Instagram» using a structural-functional approach. Internet-memes were identified by random sampling.

Keywords: internet-meme, polymodality, comic side, internet communication, internet space.

НЕОДЕРИВАТЫ, ВОСХОДЯЩИЕ К СУЩЕСТВИТЕЛЬНОМУ *QR*-КОД, В РОССИЙСКОЙ БЛОГОСФЕРЕ (на материале платформы Яндекс.Дзен)¹

© *Е.В. Щеникова*

Характеризуются словообразовательные неологизмы, которые непосредственно либо опосредованно восходят к имени существительному *QR*-код/*куар*-код. Рассматриваются структурные, семантические, тематические, функционально-стилистические особенности таких слов. Отмечаются факты фонетической адаптации заимствования *QR*-код/*куар*-код при его включении в деривационные процессы. Выделяются основные объекты номинации. Указывается на активное использование оценочных (главным образом – эмоционально-оценочных) словообразовательных единиц и стилистических приемов. Исследование проводится на материале блогов и комментариев к ним, которые были опубликованы на платформе «Яндекс.Дзен» в ноябре–декабре 2021 г. В качестве основного задействуется описательный метод исследования.

Ключевые слова: словообразовательные неологизмы, интернет-дискурс, язык блогосферы, Яндекс.Дзен, суффиксация, сложение.

В конце 2021 года в контексте проблем, связанных с COVID-19, в России на всех уровнях стало активно обсуждаться введение QR-кодов для населения. Рунет в числе прочего отреагировал на происходящее очередным всплеском словообразовательной активности, – и среди не-одериватов особое место заняли слова, которые непосредственно либо опосредованно восходят к существительному *QR*-код (графические/орфографические варианты – *куар*-код, *куаркод*). В блогах и комментариях к ним, опубликованных на платформе «Яндекс.Дзен» (<https://zen.yandex.ru>) в период с середины ноября по середину декабря 2021 года, нами было выявлено около 60 таких единиц.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и РЯИК в рамках научного проекта № 20-512-23003 «Активные процессы в современном русском языке и их изучение в российской и венгерской лингвистике».

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR and FRLC, project number 20-512-23003 «Active processes in the modern Russian language and their study in Russian and Hungarian linguistics».

В пределах полученной выборки заметное место занимают вторичные, неофициальные наименования QR-кода, которые от официального, как правило, отличаются повышенной экспрессивностью и/или фонетической адаптированностью (несмотря на то что проанализированный нами материал относится к сфере письменной коммуникации, в нем отчетливо прослеживается тенденция к устранению зияния, неудобного для артикуляции скопления согласных либо обоих проявлений неблагозвучия одновременно).

При создании стилистических синонимов и вариантов заимствования *QR-код* активно задействуется усечение, которое имеет целый ряд конкретных реализаций:

– происходит полное усечение второго и частичное усечение первого компонента: (*QR-код* → (*QR*) → *Q/ку*): *На Ку будет потрачено немеряно денег* (<https://zen.yandex.ru/media/gerda28/kurezy-rossiiskoi-deistvitelnosti-chem-dalshe-tem-kureznee-61a677b6dac3c87cdd8c595a?&>, 01.12.2021; здесь и далее в текстовых иллюстрациях авторские орфография и пунктуация сохранены);

– реализуется частичное усечение обоих компонентов (*QR-коды/куар-коды* → *ку-кц*; в данном случае усечение сопровождается фонетическим чередованием в конце основы – [к/к’]): <...> *Ку-ки. Это, канеш, офигенный метод борьбы* (<https://zen.yandex.ru/media/gerda28/kurezy-rossiiskoi-deistvitelnosti-chem-dalshe-tem-kureznee-61a677b6dac3c87cdd8c595a?&>, 01.12.2021);

– вторая часть заимствования (*код*) усекается, а подвергшийся транслитерации первый компонент (*куар*, более редкие фонетические варианты – *кюар*, *кьюар*) начинает функционировать как самостоятельное слово, сохраняя, как правило, систему падежно-числовых форм производящего существительного: *Без прививки и кюара не пустят?* (<https://zen.yandex.ru/media/snob/qrkody-zabiraiut-u-nas-svobodu-kak-oni-izmeniat-nashu-jizn-6192625d65651d4aed541f0a?&>, 17.11.2021); *Хоть «ковипасом» зови, хоть «кюаром»* (<https://zen.yandex.ru/media/tfelg/qrkod-ne-nravitsia-kak-naschet-kovipassa-61a7864396d67916409a1cb5?&>, 10.12.2021); *Как думаете будут кюары проверять?* (<https://zen.yandex.ru/media/0000/ekaterinburgskii-qrbunt-razgoraetsia-61b7194c1769a000a3d2383d?&>, 14.12.2021); *референдум по отмене кюаров* (<https://zen.yandex.ru/media/0000/ekaterinburgskii-qrbunt-razgoraetsia-61b7194c1769a000a3d2383d?&>, 14.12.2021) – и лишь в одном из контекстов он был выявлен нами в несклоняемом варианте: *я против кюар????* (<https://zen.yandex.ru/media/0000/ekaterinburgskii-qrbunt-razgoraetsia-61b7194c1769a000a3d2383d?&>, 14.12.2021);

– осуществляются разные варианты частичного усечения первого компонента *QR/куар* при полном сохранении второго – *код*:

	→	<i>Ккод</i>
<i>QR-код/куар-код</i>	→	<i>Q-код/ку-код</i>
	→	<i>кур-код/куркод</i>

См., например: *Вход в Храм по ккоду?* (<https://zen.yandex.ru/media/smilefreedom/davaite-gotovitsia-k-hudshemu-kody-budut-vezde-619cbb302412e94a0df76c03>, 23.11.2021); *внедрение Qкодов* (<https://zen.yandex.ru/media/smilefreedom/davaite-gotovitsia-k-hudshemu-kody-budut-vezde-619cbb302412e94a0df76c03>, 25.11.2021); *законопроект о Ку-кодах* (https://zen.yandex.ru/media/drugie_miry/sobytiia-razvivaiutsia-karty-raskryvaiutsia-jizn-idet-svoim-cheredom-619c9ca6a5cb2979fb02b439?&, 29.11.2021); *у нас в Рио через три дня все кур-коды отменили* (<https://zen.yandex.ru/media/ohotnik/kak-proiti-v-tc-bez-qrkoda-61b43ab0506c0d64b4ce0b33?&>, 12.12.2021).

Об активном освоении рассматриваемого заимствования свидетельствует дальнейшее выстраивание словообразовательных цепочек. На следующих ступенях деривации у производных при сохранении денотата заметно усиливается эмоционально-оценочная составляющая.

Экспрессия может достигаться за счет присоединения к компоненту-варваризму *QR/куар* исконно русского диминутивного суффикса: *Возможно будут копеечку брать, глазки закрывать на куарики* (<https://zen.yandex.ru/media/bizstart/v-kazani-vysadili-bolee-500-passajirov-bez-qrkoda-u-kompartii-poiavilsia-shans-vypadaiuscii-razv-tridcat-let-619b6129a54a5a4f9c7f9680?&>, 22.11.2021).

Широко представлено каламбурное обыгрывание производящих слов на базе созвучия компонента *QR/куар/кур/ку* с различными узуальными (и крайне редко с незузальными) лексическими единицами. Многие из таких единиц обладают заметно выраженной оценочностью, которая обусловлена их лексическими значениями, эмоционально-экспрессивной стилистической окраской и/или принадлежностью к вне-литературной сфере: *кураре-код* (<https://zen.yandex.ru/media/0000/ekaterinburgskii-qrbunt-razgoraetsia-61b7194c1769a000a3d2383d?&>, 14.12.2021; *кураре* – «сильный растительный яд, содержащий стрихнин» [Словарь 1956: 1857]); *кувырк-код* (<https://zen.yandex.ru/media/mikheev/ia-schitaiu-luchshe-ne-vvodit-qrkody-mogut-lishit-svobody-a-potom-mogut-nachat-izvodit-liudei-61b0630dae9732314896558e?&>, 10.12.2021;

кувырк – междометие, соответствующее по семантике наречию *кувырком* «перен.: все сломалось, нарушилось» [Ожегов 1997: 312]); *курвокод* (<https://zen.yandex.ru/media/snob/qrkody-zabiraiut-u-nas-svobodu-kak-oni-izmeniat-nashu-jizn-6192625d65651d4aed541f0a?&>, 17.11.2021).

На базе неодеривата *кукод/ку-код*, на наш взгляд, возник каламбурный неологизм *кукукод*, где компонент *куку* может быть интерпретирован двояко: 1) ‘ненормальный’; 2) ‘звук, издаваемый кукушкой’ – что позволяет говорящим одновременно осуществлять прямую, рациональную оценку ситуации и ее эмоциональное снижение за счет лишнего смысла сочетания производящих основ. Кроме того, приводимые в Сети фотоиллюстрации высказываний, включающих усечение *ку* (и как компонент неодеривата *кукод/ку-код*, и как самостоятельную лексическую единицу), нередко обеспечивают аллюзию к советскому фильму «Кин-дза-дза» (где *ку* является одним из слов вымышленного языка, используемого персонажами); сатирический характер произведения-источника в таких случаях усиливает экспрессию, возникающую за счет каламбура.

Каламбурные наименования QR-кодов, как правило, создаются путем заместительной деривации, при реализации которой наряду со случайным созвучием производящих слов нередко задействуются ассоциативные связи. Так, актуализация орнитологической семантики у слова *кур-код* (*кур*- ‘курица’) привела, на наш взгляд, к появлению целой группы неодериватов, и в первую очередь словообразовательного варианта с соединительным гласным *о* (*кур-код* → *курокод*), а также сложного слова с первой цельноформленной основой *кура* (*кур-код* → *куракод*): *потребуот предъявлять курокод* (<https://zen.yandex.ru/media/id/5d245893fbc6e700ae234d8b/pohoje-что-eksperiment-daet-sboi-peskov-vyskazalsia-619b744ccafe195f462290b4?&>, 23.11.2021); *читалки куракодов* (<https://zen.yandex.ru/media/smilefreedom/davaite-gotovitsia-khudshemu-kody-budut-vezde-619cbb302412e94a0df76c03>, 24.11.2021). В развитие орнитологического ассоциативного ряда к созданию неодериватов интернет-пользователями были привлечены основы-ономатопеи, которые позволяют изобразить звуки, издаваемые птицами, причем не курицами, а петухами (*кукаре*, *кукареку*) и даже представителями других биологических видов (*курлык*): *как раз-то на транспорте нет никаких проблем ввести кукарекоды* (<https://zen.yandex.ru/media/tsargrad.tv/prodali-kozla-kuarugroza-otstupila-iz-transporta-61b7c05fc2a2dc56615d4b04?&>, 14.12.2021); *тогда никакой ковидлы, никаких кукареку-кодов, никаких «чудо-вакцин» не было*

(<https://zen.yandex.ru/media/tsargrad.tv/prodali-kozla-kuarugroza-otstupila-iz-transporta-61b7c05fc2a2dc56615d4b04?&>, 15.12.2021); *А Осетии эти курлыккоды зачем?* (<https://zen.yandex.ru/media/gerda28/kurezy-rossiiskoi-deistvitelnosti-chem-dalshe-tem-kureznee-61a677b6dac3c87cdd8c595a?&>, 09.12.2021).

Оценочные/игровые производные также иногда вовлекаются в дериивационные процессы в качестве производящих слов (*кукарекукод/кукарекукод* → *кукарекуха*; *кукарекод* → *кукареки*): *сделали огромный крытый каток, но посещать его можно только по кукарекухе* (<https://zen.yandex.ru/media/ohotnik/kak-proitit-v-tc-bez-qrkoda-61b43ab0506c0d64b4ce0b33?&>, 13.12.2021); *Не приняли проект закона о кукареках* (<https://zen.yandex.ru/media/udikov/dobro-pojalovat-v-devianostye-rossiiane-vozvrascaiutsia-na-vescevye-rynki-pod-otkrytym-nebom-tam-ne-nujny-qrkody-6191f1bcd99f133d1e65d1f3,> 16.11.2021).

Наряду с синонимами/вариантами слова *куар-код* в рамках нашей выборки выделяется группа существительных с непредметной семантикой, которые называют различные процессы, состояния, мероприятия и т.п. В структурном плане такие единицы делятся на две основные подгруппы: композиты, созданные способом чистого сложения, и суффиксаты.

Все композиты демонстрируют сложение агглютинативного типа. Компонент *куар* в их составе чаще используется с орудийным значением, реже – с объектным или определительным: *Казанский QR-эксперимент* (<https://zen.yandex.ru/media/0000/ekaterinburgskii-qrbunt-razgoraetsia-61b7194c1769a000a3d2383d?&>, 13.12.2021); *QR-эксперимент* – ‘эксперимент посредством введения *QR-кодов*’); *против <...> QR-ограничений* (<https://zen.yandex.ru/media/0000/ekaterinburgskii-qrbunt-razgoraetsia-61b7194c1769a000a3d2383d?&>, 13.12.2021); *QR-ограничения* – ‘ограничения, осуществляемые посредством введения *QR-кодов*’); *Что делает куар-абсурд еще асурдней* (<https://zen.yandex.ru/media/etovamneeto/kto-komu-doljen-pokazyvat-qrkod-vy-doljny-vsem-kto-nesprosit-a-vam-ne-doljen-nikto-61951308c8e42747658f3584?&>, 18.11.2021); *куар-абсурд* – ‘абсурд, проявляющийся в использовании *QR-кодов*’).

Суффиксаты создаются главным образом при помощи форманта *-(из)ациј-*, который может присоединяться и к базовой лексеме группы *куар-код*, и к ее производным: *к тотальной QR-кодизации* (<https://zen.yandex.ru/media/tsargrad.tv/prodali-kozla-kuarugroza-otstupila-iz-transporta-61b7c05fc2a2dc56615d4b04?&>, 14.12.2021); *на внедрение куаризации* (<https://zen.yandex.ru/media/tsargrad.tv/prodali-kozla-kuarugroza->

otstupila-iz-transporta-61b7c05fc2a2dc56615d4b04?&, 14.12.2021); *кампания по всеобщей кьюаризации* (<https://zen.yandex.ru/media/yapon/russkii-nedobunt-kak-grajdane-boriutsia-s-qrkodami-i-chem-eto-konchitsia-6192264921377726d3307825>, 15.11.2021); *обязательная куктуризация библиотек* (<https://zen.yandex.ru/media/gerda28/kurezy-rossiiskoi-deistvitelnosti-chem-dalshe-tem-kureznee-61a677b6dac3c87cdd8c595a?&>, 13.12.2021); *идеологам куризации* (<https://zen.yandex.ru/media/0000/ekaterinburgskii-qrbunt-razgoraetsia-61b7194c1769a000a3d2383d?&>, 13.12.2021).

Значительно меньшую продуктивность обнаруживают суффиксальные морфемы *-(ива)ниј-*, *-(ирова)ниј-*, в том числе с учетом использования в составе префиксально-суффиксальных формантов: *срочно ввести куаркодирование* (<https://zen.yandex.ru/media/tfelg/qrkod-ne-nravitsia-kak-naschet-kovipassa-61a7864396d67916409a1cb5?&>, 12.12.2021); *окончательное обQRивание (обкуаривание)* (<https://zen.yandex.ru/media/etovamneeto/kto-komu-doljen-pokazyvat-qrkod-vy-doljni-vsem-kto-ne-sprosit-a-vam-ne-doljen-nikto-61951308c8e42747658f3584?&>, 22.11.2021).

Существительные с абстрактной семантикой, главным образом суффиксаты, получают эмоционально-оценочную составляющую во многом за счет того, что при их создании реализуются прием стилистического контраста (разговорная основа – книжный формант) и/или прием стилистического несоответствия (книжная словообразовательная модель – использование неодеривата в ситуации неформального общения).

Следует отметить, что ввиду существенных словообразовательных аномалий (которые осознанно либо неосознанно задействуются интернет-пользователями как яркие оценочные средства) далеко не у всех неодериватов рассматриваемой подгруппы можно однозначно определить способ словообразования, производящее слово и формант: *вакцинизирование народа и куаркодирование* (<https://zen.yandex.ru/media/etovamneeto/kto-komu-doljen-pokazyvat-qrkod-vy-doljni-vsem-kto-ne-sprosit-a-vam-ne-doljen-nikto-61951308c8e42747658f3584?&>, 15.12.2021).

Для обозначения действий, связанных с применением QR-кодов, создаются не только абстрактные существительные, но и собственно глаголы. Глагольные модели (префиксальные, суффиксальные, префиксально-постфиксальные, суффиксально-постфиксальные) по сравнению с именными не столь продуктивны, однако более разнообразны. Кроме того, в отличие от именных они, как правило, тяготеют не к книжной, а к разговорно-просторечной сфере и выражают

оценку главным образом за счет закрепленной за ними в языке стилистической окраски:

<i>Куар-код</i>	→	<i>куаркодиться</i>	→	<i>проQRить</i>
<i>Куар</i>	→	<i>Куарить</i>	→	<i>Закуарить</i>
			→	<i>Откуарить</i>
			→	<i>Докуариться</i>
			→	
<i>Ку-ки</i>	→	<i>кукануть</i>		

См., например, контексты: *Остальные сами побежали куаркодятся* (<https://zen.yandex.ru/media/etovamneeto/kto-komu-doljen-pokazyvat-qrkod-vy-doljniy-vsem-kto-ne-sprosit-a-vam-ne-doljen-nikto-61951308c8e42747658f3584?&>, 18.11.2021); *Метро пока «куарить» не планируют* (<https://zen.yandex.ru/media/gerda28/kurezy-rossiiskoi-deistvitelnosti-chem-dalshe-tem-kureznee-61a677b6dac3c87cdd8c595a?&>, 01.12.2021); *всех проQRят. Кроме военных* (<https://zen.yandex.ru/media/gerda28/kurezy-rossiiskoi-deistvitelnosti-chem-dalshe-tem-kureznee-61a677b6dac3c87cdd8c595a?&>, 01.12.2021); *цель другая — кукануть всех* (<https://zen.yandex.ru/media/udikov/dobro-pojalovat-v-devianostye-rossiiane-vozvrascauitsia-na-vescevye-rynki-pod-otkryтым-nebom-tam-ne-nujny-qrkody-6191f1bcd99f133d1e65d1f3>, 15.11.2021).

Относительно небольшую группу неодериватов составляют также наименования лиц. Неузальные слова создаются в основном для обозначения тех субъектов, которые предлагают внедрение QR-кодов и/или организуют/обеспечивают их использование.

Среди личных существительных наибольшую продуктивность обнаруживают суффиксаты: *упертые «куарицики»* (<https://zen.yandex.ru/media/gerda28/kurezy-rossiiskoi-deistvitelnosti-chem-dalshe-tem-kureznee-61a677b6dac3c87cdd8c595a?&>, 01.12.2021); *нарушение «куаризаторами» своих конституционных прав* (<https://zen.yandex.ru/media/tsargrad.tv/prodali-kozla-kuarugroza-otstupila-iz-transporta-61b7c05fc2a2dc56615d4b04?&>, 14.12.2021). Такие слова могут получать оценочность как за счет (1) семантики, стилистической окраски и/или ассоциативных приращений, закрепленных за производящими основами, так и (2) за счет стилистического контраста, возникающего при соединении разговорной (отаббревиатурной) модели либо разговорной производящей основы и суффикса, который если и не является собственно книжным, то ассоциируется с официальной/научной сферой: (1) *кукаречники*

(<https://zen.yandex.ru/media/udikov/dobro-pojalovat-v-devianostye-rossiiane-vozvrascauitsia-na-vescevye-rynki-pod-otkrytym-nebom-tam-nenujny-qrkody-6191f1bcd99f133d1e65d1f3>, 16.11.2021); (2) *придут к **QR**стам за деньгами* (<https://zen.yandex.ru/media/bizstart/v-kazani-vysadili-bolee-500-passajirov-bez-qrkoda-u-kompartii-poiavilsia-shans-vypadaiuscii-raz-v-tridcat-let-619b6129a54a5a4f9c7f9680?&>, 22.11.2021).

Значительно реже личные существительные создаются способом контаминации (которая во всех выявленных нами случаях поддерживается графогбридизацией): *была **QR**ысоловом, теперь себя видит без пяти минут **QR**левой* (<https://zen.yandex.ru/media/snob/qrkody-zabiraiut-u-nas-svobodu-kak-oni-izmeniat-nashu-jizn-6192625d65651d4aed541f0a?&>, 19.11.2021; *QR*лева ← *QR* + королева, *QR*ысолов ← *QR* + крысолов).

Наконец, рассмотрим группу слов с признаковой семантикой.

Входящие в нее имена прилагательные малочисленны (ввиду чего слабо поддаются типологизации): ***Кьюарная** неизвестность: почему законы о **QR**-кодах могут не принять* (<https://zen.yandex.ru/media/yapon/kiuarnaia-neizvestnost-pochemu-zakony-o-qrkodah-mogut-ne-priniat-61b1ca62d4cb82431de1833f?&>, 09.12.2021); ***QR**епостное право* (<https://zen.yandex.ru/media/limalimickay/a-chegoito-my-takie-dobrye-okazyvaetsia-qr-kody-mojno-poluchat-i-za-tak-618fcaa5fdbd1879b8653fbf?&>, 14.11.2021); *я не хочу находиться в ТЦ, транспорте или ином учреждении с **безQR**кодовыми существами* (<https://zen.yandex.ru/media/bizstart/v-chem-byl-prav-fantast-bezqrkodovye-suscestva-jdut-svoei-uchasti-v-novyigod-s-qr-ili-net-61b5c141c2a2dc5661124b13?&>, 12.12.2021).

Основную долю неодериватов данной группы составляют страдательные причастия, которые позволяют обозначить признаки лиц в аспекте воздействия, оказываемого посредством QR-кодов: *придут по ваши вакцинированные и **откуаренные** душки* (https://zen.yandex.ru/media/drugie_miry/sobytiia-razvivaiuitsia-karty-raskryvaiuitsia-jizn-idet-svoim-cheredom-619c9ca6a5cb2979fb02b439?&, 24.11.2021); *студенты и школьники уже давно **проQR**ены* (<https://zen.yandex.ru/media/mikheev/ia-schitaiu-luchshe-ne-vvodit-qrkody-mogut-lishit-svobody-a-potom-mogut-nachat-izvodit-liudei-61b0630dae9732314896558e?&>, 10.12.2021). Череступенное формообразование (в рамках нашей выборки глаголы, соотносимые с такими причастиями в ряде случаев отсутствуют) при этом работает как дополнительное эмоционально-экспрессивное средство: *наделяет привитых клеймом «**куарнутые**»* (https://zen.yandex.ru/media/blonda_utah/kuary-ogranicheniia-razdrai-v-obscestve-mne-kajetsia-ili-to-cto-proishodit-pohoje-na-filmu-pro-apokalipsis-6195b59da4d8f84d42d8a23a, 20.11.2021; *куарнутые* ← (*куарнуть) ← куар).

Итак, за небольшой промежуток времени в Рунете на базе существительного *QR-код/куар-код* возникло целое словообразовательное гнездо, элементы которого отчетливо отражают конфронтационный характер коммуникации по обсуждаемому вопросу. Интернет-пользователями активно создавались неофициальные обозначения QR-кодов и наименования действий/процессов, связанных с их внедрением и использованием; несколько реже – названия лиц, их признаков, а также признаков некоторых абстрактных явлений. Большая часть неодериватов обладает ярко выраженной оценочностью, к формированию которой был привлечен широкий спектр языковых и речевых средств: семантика, стилистическая окраска и ассоциативные приращения, закрепленные в узусе за элементами производящей базы и словообразовательными формантами, различные стилистические приемы (стилистического контраста, стилистического несоответствия, графогибридизации и др.). Нами отмечены случаи череступенного формо- и словообразования; однако можно предположить, что в период, прошедший со времени сбора эмпирического материала, многие словообразовательные лакуны были заполнены.

Список литературы

1. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1997. 944 с.
2. Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. Т. 5. И–К. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1956. 1918 ст.

NEO-DERIVATIVES DERIVED FROM THE NOUN *QR CODE*, IN THE RUSSIAN BLOGOSPHERE (based on the material of the Yandex.Zen platform)

© *E.V. Shchenikova*

Derivative neologisms are characterized, which are directly or indirectly derived from the noun *QR-код/куар-код*. Structural (actually word-forming), thematic, semantic, functional and stylistic features of such words are considered. The facts of phonetic adaptation of borrowing *QR-код/куар-код* when it is included in the derivation processes are noted. The main objects of the nomination are highlighted. The active use of evaluative (mainly emotional-evaluative) word-formation units and stylistic techniques is indicated. The research is based on the texts of blogs, as well as comments to them, which were published on the Yandex.Zen platform in November-December 2021. The descriptive research method is used as the main one.

Keywords: word-formation neologisms, Internet discourse, speech of the blogosphere, Yandex.Zen, suffixation, composition.

О ДВУХ СЕМАНТИЧЕСКИХ НЕОЛОГИЗМАХ АНГЛИЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

© С. Янурик

Рассматриваются вопросы семантической адаптации двух английских заимствований, приобретших новые значения в русском языке в последние годы. С привлечением словарных, корпусных и газетных материалов делается попытка описать активные процессы развития семантического объема данных неологизмов. В ходе анализа выясняется, какие сдвиги произошли в семантической структуре слов *пузырь* и *бустер* под влиянием английского языка в условиях пандемии коронавирусной инфекции. В первом случае перед нами результат семантического калькирования актуальных значений английского прототипа *bubble*, проявляющийся в том числе в возникновении нового словосочетания *социальный пузырь* и в расширении смыслового объема выражения *жить в пузыре*. В последнее время англицизм *бустер* также стал употребляться в нескольких новых значениях, которые еще не зафиксированы даже в новейших русских лексикографических изданиях.

Ключевые слова: англицизмы, кальки, семантические неологизмы, русский язык коронавирусной эпохи, русская лексикография, корпусные материалы.

1. В русском языке последних лет у слова *пузырь* появилось несколько новых значений. Развитие одного из них можно проследить в газетных материалах спортивной тематики: *На чемпионате мира по фигурному катанию будет создан „пузырь“ для сборных, призванный минимизировать риск распространения COVID-19* (gazeta.ru, 16.02.2021); *С 23 января до окончания Паралимпийских игр будет внедрена замкнутая система управления („пузырь“) для обеспечения безопасного проведения Игр* (sportrbc.ru, 29.09.2021); *Однако режим „пузыря“ <...> позволит спортсменам избежать общепринятых карантинных мер. Карантином, позволяющим тренироваться и соревноваться, станет „пузырь“* (rsport.ria.ru, 06.11.2021).

Как видно из этих цитат, анализируемое нововведение обозначает новый формат проведения спортивных мероприятий в условиях пандемии с целью предотвратить распространение коронавирусной инфекции среди участников.

Наиболее полное описание лексемы *пузырь* приводится в академическом толковом словаре под ред. С.А. Кузнецова: 1) ‘наполненный воздухом или газом шарик’; 2) ‘небольшая пустота в чем-л.; вздутие, выпуклость’; 3) ‘болезненное вздутие на коже, наполненное жидкостью; волдырь’; 4) *анат.* ‘полый мешкообразный орган в теле животного или человека’; 5) *разг.* ‘резиновый мешок, наполненный льдом, холодной или горячей водой для лечебных целей’; 6) *разг.* ‘бутылка спиртного’; 7) *разг.* ‘о малыше, ребенке (обычно полном, упитанном)’; 8) *разг.* ‘о том, кто очень много пьет’ [СТС 2001: 654].

На основе приведенных лексикографических данных можно отметить отсутствие непосредственной семантической связи между этими значениями и новым переносным смыслом слова, которое предполагает некую замкнутость, изолированность, оторванность от внешнего мира. Таким образом, можно предположить, что расширение семантического объема рассматриваемого существительного, по всей вероятности, произошло под влиянием иноязычного образца.

В современной медиаречи неологизм *пузырь* часто сочетается с глаголом *жить* и встречается также преимущественно в вышеупомянутом спортивном контексте: *Я не был дома с момента, как уехал в Австралию, но это не проблема. Мне нравится жить в пузыре* (sports.ru, 18.04.2021); *Футболисты жили в пузыре и видели семьи только на трибунах. Пора возвращаться домой* (sports.ru, 12.07.2021); *Спортсмены будут жить в „пузыре“, без доступа к внешнему миру. По данным местных СМИ, ограничения будут распространяться и на спортсменов из Японии* (sport.ru, 30.11.2021).

В то же время в газетном корпусе НКРЯ можно найти два вхождения изучаемого выражения в несколько ином смысле: *Лос-Анджелес – это совсем не то же самое, что Нью-Йорк, здесь все иначе. Мы как будто живем в пузыре, не видя, что происходит в остальной Америке* (lenta.ru, 21.02.2017); *По словам Плюигренье, решить проблему расизма в России сложно, потому что общество здесь сильно отстает от европейского. „Они будто живут в пузыре“, – заявил футболист* (lenta.ru, 17.09.2019).

В данном случае речь идет об изолированности определенной группы людей от общества, их отчужденности от окружающего мира, когда они придерживаются только своего мнения, не воспринимают новые идеи и не замечают, что происходит вокруг. Они живут в своем собственном мире и окружают себя только единомышленниками. Аналогично, в английском языке выражение *to live in a bubble* ‘жить в пузыре’

«до недавнего времени ассоциировалось с ограниченностью и нездоровой оторванностью политиков, знаменитостей от жизни» [Рыжкова, Кокконен 2021: 445]. Соответственно, в толковом словаре английского языка Вебстера лексема *bubble* объясняется следующим образом: «замкнутая или изолированная сфера деятельности, в которой единомышленники – члены однородного сообщества поддерживают общее мнение» [Merriam–Webster]¹.

Начиная с 2020 г. в условиях пандемии коронавирусной инфекции слово *bubble* в английском языке стало употребляться еще в двух значениях.

Первое из них – «обычно небольшая группа людей (например, члены семьи, друзья, коллеги или одноклассники), которые регулярно взаимодействуют друг с другом тесно, а с другими людьми очень мало или никак не общаются, чтобы минимизировать контакт и уменьшить передачу инфекции во время вспышки заразного заболевания» [Merriam–Webster]².

Данный смысл часто реализуется и в новом словосочетании *social bubble*: «небольшая группа друзей или членов семьи, которым разрешено общаться вместе во время локдауна в коронавирусную эпоху» [Macmillan]³.

Соответствующая калька с английского *социальный пузырь* получила словарную фиксацию в двух новейших изданиях русской академической неографии: *Как подчеркнули в Министерстве здравоохранения, в условиях стремительного распространения Covid-19 нужно оценить необходимость проведения мероприятий, где собираются люди из разных социальных пузырей* (gorod.lv, 30.10.2020); *Бельгия ввела систему «социальных пузырей» – общение родных в рамках одного домохозяйства и близкий контакт вне семьи максимум с четырьмя гостями на рас-*

¹ “an enclosed or isolated sphere of experience or activity in which the like-minded members of a homogeneous community support and reinforce their shared opinions” (<https://www.merriam-webster.com/dictionary/bubble>).

² “a usually small group of people (such as family members, friends, coworkers, or classmates) who regularly interact closely with one another but with few or no others in order to minimize exposure and reduce the transmission of infection during an outbreak of a contagious disease” (<https://www.merriam-webster.com/dictionary/bubble>).

³ “a small group of friends or family members allowed to socialize together during the coronavirus lockdown” (<https://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/social-bubble>).

стоянии не чаще двух раз в месяц (Новая газета, 30.10.2020) [НРЛ-2020: 227; СлКЭ 2021: 238].

Совсем недавно у слова *bubble* возникло еще одно значение – «территория, в пределах которой спортивные команды остаются изолированными от широкой публики во время серии запланированных игр, чтобы предотвратить заражение болезнями, и которая включает в себя жилые помещения, удобства и место, где проводятся игры» [Merriam–Webster]¹. Именно этот смысл отражается в семантической кальке *пузырь*, примеры употребления которой были приведены в начале настоящего раздела. См. также: *В сфере спорта образовался „пузырь“. Так теперь называют ситуацию, когда спортивная лига возобновляет деятельность внутри карантинной зоны* (16.12.2020).

К вышесказанному следует еще добавить, что в начале XXI в. слово *пузырь* стало активно использоваться также в экономической лексике: *Чисто финансовые пузыри у нас уже лопнули либо как-то трансформировались* (Труд-7, 28.10.2000); *Ситуация же на фондовом рынке начинала напоминать надутый пузырь, типа знакомого нам „МММ“, готовый лопнуть* (Труд-7, 06.02.2001).

Финансовый термин *пузырь* означает ситуацию на рынке, когда в условиях ажиотажного спроса рыночная цена акций существенно и необоснованно завышается, а потом резко падает, подобно тому, как мыльный пузырь лопается. Этот метафорический перенос в семантике лексемы *bubble* произошел в английском языке: «состояние бурной экономической активности (например, на фондовом рынке), которое часто заканчивается внезапным крахом» [Merriam–Webster]², а новое значение у русского существительного *пузырь* появилось в результате семантического калькирования иноязычного прототипа.

2. В русской лексикографии англицизм *бустер* впервые был зафиксирован в 1930-е гг. в техническом значении: ‘вспомогательная паровая машина на паровозе, применяемая при трогании паровоза с места или на предельном подъеме’ [СИС 1933: 204; СИС 1937: 101]. К началу следующего десятилетия нововведение уже прочно вошло в профессиональ-

¹ “an area within which sports teams stay isolated from the general public during a series of scheduled games so as to prevent exposure to disease and that includes accommodations, amenities, and the location at which the games are held” (<https://www.merriam-webster.com/dictionary/bubble>).

² “a state of booming economic activity (as in a stock market) that often ends in a sudden collapse” (<https://www.merriam-webster.com/dictionary/bubble>).

ную лексику: *В последнее время в США начинают применять бустер для высокоскоростных паровозов с целью уменьшения времени, необходимого для достижения максимальной скорости. В СССР в третьей пятилетке намечено приступить к оборудованию бустерами паровозов* [ТЖДС 1941].

Сфера употребления неологизма постепенно расширилась, и к середине XX в. слово *бустер* стало также термином электротехники: ‘дополнительный источник электрического тока, включаемый в сеть для регулирования напряжения основного источника тока’ [СИС 1949: 115].

Во время перестройки в русских неографических изданиях появились два новых значения рассматриваемого заимствования: ‘усилитель звука (у музыкальных электроинструментов)’ и ‘усилительное устройство в цепи управления рулями скоростных самолетов’ [НРЛ-88: 52].

С развитием сотовой технологии в начале XXI в. в русском языке появилось еще одна область применения данного наименования – ‘антенный усилитель, устанавливаемый обычно в автомобилях (в т.ч. для улучшения связи по мобильному телефону)’ [Шагалова 2009: 118].

В новейших словарях иноязычных слов при описании англицизма *бустер*, как правило, дается обобщенное определение, объединяющее все упомянутые выше значения: ‘устройство для увеличения силы или скорости действия основного механизма или машины в момент особо высоких нагрузок’ [Крысин 2006: 148; НСИС 2008: 154]. См. аналогичную дефиницию в новом издании многотомного академического словаря русского языка: ‘устройство для кратковременного увеличения мощности машины или механизма в моменты особо высоких нагрузок’ [БАС 2: 271].

В русском языке последних лет слово *бустер* приобрело несколько новых значений. Первая лексикографическая фиксация одного из них датируется 2021-м годом: ‘специальное дополнительное повышающее сиденье для детей старшего возраста и малорослых пассажиров или водителей, исключающее попадание ремня безопасности в область шеи’ [Дьяков 2021: 172].

В корпусных материалах (НКРЯ) наиболее ранний случай употребления английского заимствования в данном смысле относится к началу 2010-х гг.: *Если ребенок весит больше 36 кг и его рост выше 135 см, то специальное кресло ему не требуется, достаточно будет приобрести „Бустер“ – специальную подушку, которая ложится на сиденье и дает возможность безопасно пристегнуть его ремнем безопасности* (Комсомольская правда, 23.02.2011). Здесь лексическое новшество встречается еще в качестве торговой марки (о чем свидетельствует его написа-

ние с большой буквы), однако спустя совсем немного времени неолексема стала привычным наименованием данного предмета: *Покупают в основном детские кресла (57%), 7% имеют бустер, 1% – ремень* (Комсомольская правда, 21.12.2012); *В европейских странах использование бустеров ограничено по росту: ребенок должен быть выше 125 сантиметров* (lenta.ru, 31.03.2017).

В русском языке коронавирусной эпохи семантическая структура многозначного англицизма пополнилась еще одним новым значением в сфере медицинской науки: *К письму приложите копию загранпаспорта и свидетельство о вакцинации бустером, и вам пришлют ваш код* (perito-burrito.com, 09.11.2021); *В ЕС также заявили о необходимости сделать бустер через полгода после первичной вакцинации* (rg.ru, 08.12.2021); *из-за „омикрона“ бустер надо делать через три месяца* (svoboda.org, 10.12.2021).

По данным основного корпуса НКРЯ, англоязычное название *бустер* активно использовалось в русской медицинской терминологии уже на рубеже XX–XXI вв.: *Однако после 5–6-летнего возраста в настоящее время нигде бустер-ревакцинация не проводится* (Вопросы вирусологии, 02.10.2000); *Данные литературы свидетельствуют о том, что уровни титров антител снижаются через 6 месяцев после 1-й инъекции, и для создания длительной защиты привитых вводят бустер-дозу препарата* (Вопросы вирусологии, 15.01.2000).

В толковом словаре английского языка соответствующее значение лексемы *booster* определяется следующим образом: «вещество или доза, используемые для возобновления или усиления действия лекарства или иммунизирующего агента» [Merriam–Webster]¹. В языке-источнике встречается и полный вариант наименования *booster shot*: «дополнительная доза иммунизирующего агента, вводимая в виде инъекции (другие названия: *бустер, бустерная доза*)» [Merriam–Webster]².

В современной русской медиаречи новое словосочетание *бустерный шот* также начинает входить в употребление: *Я привита вакциной Johnson & Johnson и получила бустерный шот вакциной Pfizer* (bfm.ru, 27.12.2021); *Бустерный „шот“: как получить европейский сертифи-*

¹ “a substance or dose used to renew or increase the effect of a drug or immunizing agent especially (*booster shot*)” (<https://www.merriam-webster.com/dictionary/booster>).

² “a supplementary dose of an immunizing agent administered as an injection” (called also *booster, booster dose*)” (<https://www.merriam-webster.com/dictionary/booster%20shot>).

кат о вакцинации после одной дозы вакцины Pfizer или Moderna (peritoburrito.com, 09.11.2021).

В то же время можно наблюдать высокую степень вариативности в номинации нового понятия: наряду с заимствованием *бустер* и гибридами *бустерный шот* и *бустерная доза* в газетных материалах обнаруживаются и следующие наименования: *бустерная вакцина*, *бустерная прививка*, *бустерный укол* и др.

Наиболее полное описание семантического объема многозначного слова *бустер* можно найти в новейшем словаре англицизмов А.И. Дьякова: 1) *мед.* ‘препарат для стимулирования организма к выработке дополнительного количества тестостерона’; 2) *тех.* ‘сервомеханизм; вспомогательный двигатель; вспомогательное средство’; 3) ‘вольтодобавочный трансформатор’; 4) ‘специальное дополнительное повышающее сиденье для детей старшего возраста’; 5) *рад.* ‘усилитель’; 6) *комп. сленг.* ‘в компьютерных играх – игровой предмет, дающий увеличение каких-либо характеристик персонажа, например, скорости передвижения’; 7) *пищ.* ‘горячая булочка производства компании «Кей-Эф-Си» (KFC) с куриным филе в хрустящей панировке, со свежим жареным яйцом, маринованными огурчиками с майонезом’ [Дьяков 2021: 172].

Как видно, медицинское значение рассматриваемого заимствования не фиксируется даже в лексикографическом издании, вышедшем совсем недавно. При этом интересно отметить, что в словарной статье однокоренного слова *бустинг* одно из значений англицизма описывается таким образом: ‘повторная иммунизация’ (термин биотехнологий) [Дьяков 2021: 172].

В заключение коротко отметим, что вопрос о разграничении случаев омонимии и полисемии, обусловленных процессами появления в русском языке семантических неологизмов, остается нерешенной лексикографической задачей и требует дальнейшего исследования, особенно в случае необходимости подробного словарного описания сложной семантической структуры таких многозначных лексических единиц, как *пузырь* и *бустер*, которые стали предметом анализа в настоящей статье.

Список литературы

1. БАС – Большой академический словарь русского языка. Т. 2. М.-СПб.: Наука, 2005. 657 с.
2. Дьяков А.И. Словарь англицизмов русского языка. М.: Флинта, 2021. 1383 с.

3. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Эксмо, 2006. 944 с.
4. Максимова Т.В. Словарь англицизмов (50–90-е годы XX в.). Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1998. 140 с.
5. Маринова Е.В. Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI в.: проблемы освоения и функционирования. М.: Элпис, 2008. 495 с.
6. НКРЯ – Национальный корпус русского языка. <http://ruscorpora.ru>.
7. НРЛ-2020 – Новое в русской лексике. Словарные материалы – 2020. СПб.: ИЛИ РАН, 2021. 486 с.
8. НРЛ-88 – Новое в русской лексике. Словарные материалы – 1988. СПб.: Д. Буланин, 1996. 381 с.
9. НСИС – Захаренко Е.Н., Комарова Л.Н., Нечаева И.В. Новый словарь иностранных слов. М.: Азбуковник, 2008. 1040 с.
10. Рыжкова Е.В., Кокконен Е.И. Support bubble: новый концепт в британской лингвокультуре // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2021. № 4 (37). С. 443–447.
11. СИС 1933 – Словарь иностранных слов. М.: Советская энциклопедия, 1933. 762 с.
12. СИС 1937 – Словарь иностранных слов. М.: Советская энциклопедия, 1937. 724 с.
13. СИС 1949 – Словарь иностранных слов. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1949. 805 с.
14. СлКЭ – Словарь русского языка коронавирусной эпохи. СПб.: ИЛИ РАН, 2021. 550 с.
15. СТС – Кузнецов С.А. Современный толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2001. 960 с.
16. ТЖДС – Технический железнодорожный словарь. М.: Государственное транспортное железнодорожное изд-во, 1941. 608 с.
17. Шагалова Е.Н. Словарь новейших иностранных слов (конец XX – начало XXI вв.). М.: АСТ, Астрель, 2009. 944 с.
18. Merriam–Webster – Dictionary by Merriam–Webster. <https://www.merriam-webster.com>.
19. Macmillan – Macmillan dictionary. <https://www.macmillandictionary.com>.

ON TWO SEMANTIC NEOLOGISMS OF ENGLISH ORIGIN IN PRESENT-DAY RUSSIAN

© *Sz. Janurik*

The present paper discusses the problems of semantic adaptation of two English loanwords that have acquired new meanings in Russian in recent years. With the help of dictionary, corpus and newspaper materials, an attempt is made to describe the active processes of development in the semantics of these neologisms. The analysis

reveals what shifts took place in the semantic structure of the words *пузырь* and *бустер* under the influence of English in the context of the coronavirus pandemic. In the first case, we can see a semantic calque modelled on the current meanings of the English prototype *bubble*, which is manifested in the emergence of the new compound *социальный пузырь* and in the expansion of the semantic range of the expression *жить в пузыре*. The English loanword *бустер* has also recently started to be used in several new meanings, which are not yet recorded even in the newest Russian dictionaries.

Keywords: English loanwords, calques, semantic neologisms, the Russian language in the Covid era, Russian lexicography, corpus materials.

**ИССЛЕДОВАНИЯ АКТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ
СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА
В РОССИИ И ВЕНГРИИ**

Сборник научных статей
по материалам вебинара, проведенного в online-формате
учеными Нижегородского государственного университета
им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия)
и Университета им. Л. Этвёша (Будапешт, Венгрия)
16 декабря 2021 г.

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
603022, г. Нижний Новгород, пр-т Гагарина, 23